MİLLET BAYRAĞI

AYLIK MECMUA

№ 3 TEMMUZ-1935-ИЮЛЬ № 3

ЕЖЕМЕСЯЧ. ЖУРНАЛ

ЗНАМЯ НАРОДА

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„MİLLET BAYRAĞI"

MECMÛASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl.
Avrupanın her memleketinde	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 transiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Cz. Krzyża 9 m. 5. Warszawa, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ

„ЗНАМЯ НАРОДА" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес.	на год
Во всех странах Европы .	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки	1 долл.	2 долл

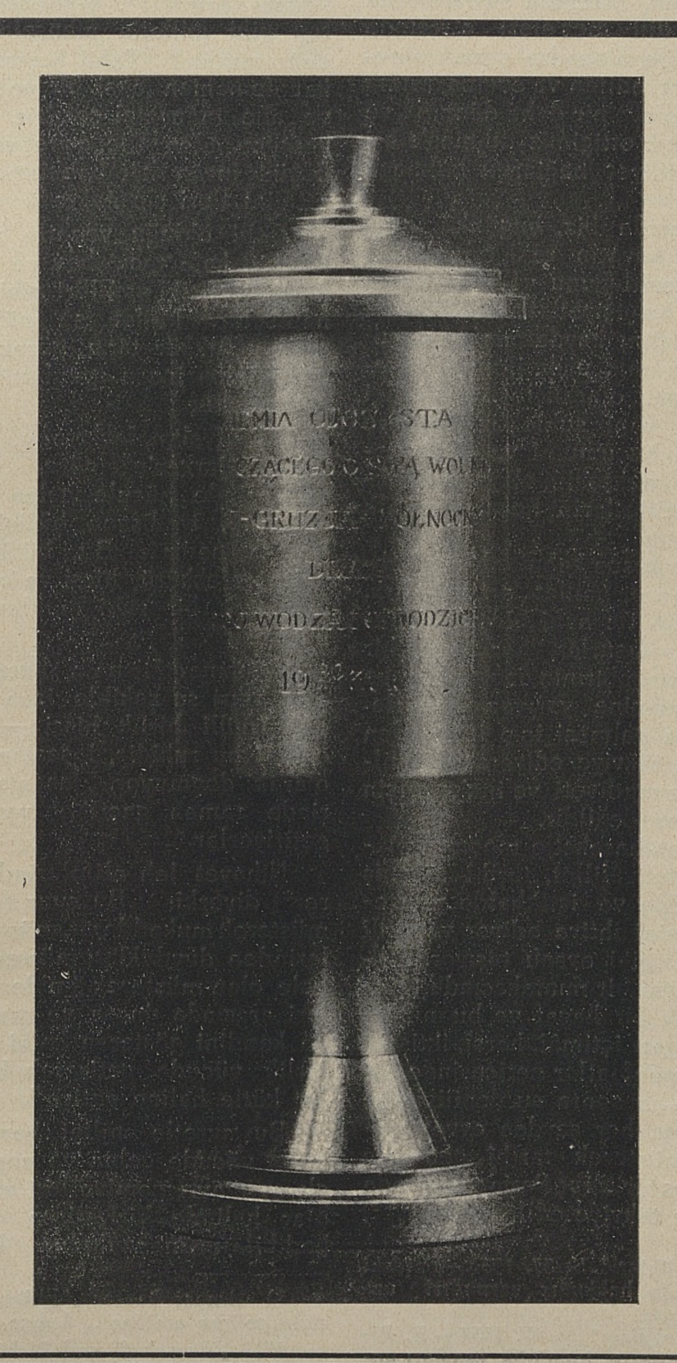
Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Cz. Krzyża 9 m. 5. Warszawa, Pologne.

MİLLET BAYRAĞI
ЗНАМЯ НАРОДА

ОРГАН СЕВЕРО-КАВКАССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

№ 3 TEMMUZ — 1935 — ИЮЛЬ № 3

Krakov'da Mareşal Pilsudski için yapılan tepeye konulmuş Kafkasya topragının bulunduğu mahfeze.

Урна, в которой находилась земля с Кавказа, возложенная на холм Маршала Пилсудского в Кракове (см. отдел „Хроники").

B. Bilatti

MİLLET VE DİL

Millet nedir, milletin teşekkülüne yarayan esas amiller hangileridir, millet ile dil arasında ne gibi bağlar mevcuttur? Bütün bu mes'eleler şu ve ya bu şekilde ötedenberi mecmuamız sayfalarında tetkık mevzuu ola gelmiştir.

Buna bakmıyarak, mecmua sayfalarında müşterek devlet dili mes'elesi etrafında yapılan münakaşa ile alakadar olmak suretile, yukarıda işaret edilen ve evelce tetkık mevzuu olan mes'eleye bir daha dönmek ve bunlarla şimdi tetkık ettigimiz dil mes'elesi arasında mevcut illiyet bağlarını bulmaga çalışacagız.

Evelki yazılarımızda biz, bugünkü „millet" mefhumunun hayatın real taleblerine uymak suretile kuruldugunu ve ırk, din ve dil gibi objektiv hususiyetlere yani haricî amillere dayanmadığını kaydetmiş ve demi ştik ki; millet mefhumu, uzun ilmî münakaşalardan sonra dogru olarak tesbit edildiği vechile sırf dahilî, yani subjektiv amillere dayaniyor. Milletin bu umumî ve dogru tarifi fizikî bünyesinin çokşekilli olmasına bakmıyarak mevcut milletlerin hepsine tatbik edilebilir.

Bu yeni ve her kesce kabul edilmiş subjektiv nazariyeye göre, millet, artık ne ırk, ne dil ve ne de din ile ayni bir şey telakki edilmiyor. Bu unsurlar, her hangi bir milletin ayrı ayrı kısımlarının daha kolay ve daha çabuk birleşmesine yarıyor ve milletin yekpâre bir hale gelmesi için icab eden tebellür etme işini takviye ediyorsada, milletin teşekkülü, mevcudiyeti ve inkişafı için hiç te elzem şartlar değildir.

İşte bu noktadan hareketle mecmuamızda şunlar yazılmıştı: „Millet, tarihî geçmiş mahsulu olub, halde ve istikbalde müşterek yaşamak iradesini ihtiva ediyor ve millî birlige karşı aruzu gibi evsafı taşıyor. Millet, küreyi arzın ayni bir mıntakasında asırlar uzunu müşterek bir hayat ve bu müşterek yaşamadan dogan içtimâî, harsî, iktisadî ve siyasî şekil ve menfaatler neticesinde teşekkül eder.*) Daha sonra şu deniliyordu: „Halk, millet — bu, her şeyden evvel müşterek görenek, müşterek tarihî geçmişte mündemiç olub hars birliği ve ileride bir arada yaşamak iradesi ile takviye edilen ruhtur.**)

Subjektiv nazariyeye göre milletin menşeini ailede aramak hiçte dogru değildir ve milletin tarifi bazılarının düşündügü gibi biolojik nazariyeye müsteniden yapılamaz.

Hakikaten de ırk ve millet gibi taban tabana zıt iki mefhumu bir araya getirmek imkânı varmıdır". Biyolojik nazariyenin yaptıgı gibi milletin menşeini ailede aramak doğrumudur? Tabiî hayır. Zira yeni tetkikat temamen aksi bir yol tavsiye etmekte ve aile menşeini şekilsiz olsada aileye takaddüm eden aile, aşiret ve kabile gibi daha büyük insan kalabalıklarında aramak icab ettigini ileri sürmektedir.

Belli olduğu vechile, ırk kan yakınlıgı, iskelet, kafa tası, boy ve ilh. kuruluşunun muayyen fizikî amilleri gibi sırf biyolojik bir hadisedir. Millet ise müşterek bir tradisyon, tefekkür tarzı, görenek v. s. den hareket eden insan gruplarının ruhî rabitaları mahsuludur.

Maruf alim, feylesof ve içtimaiyatci prof. Ernest Barker'e*) göre, „millet kan birligi neticesinde hüsule gelen fizikî bir hadise olmayub, tradisyon birligine dayanan ruhî bir hadisedir.. Bu, bütün tarih boyunca insan tefekkürü, hissi ve iradesile kurulmuş müşterek bir ruhî muhteviyat ve sun'i bir bünyedir".

Stammer**) nam diger maruf bir alim, ayni fikri şu şekilde izah ediyor: „Bu hadise (millî birlik hissi — B. B.) sün'idir, çünkü bu ruhidir, insanlar kanlarında ruh olarak dogmuyor. İnsanlar bunu kendilerinde zaman geçtikce yavaş yavaş hüsule getiriyorlar."

Nihayet leh alimlerinden Meçislav Şerer*) diyorki: „Bu şuur (millî şuur—B. B.) müşterek mukadderat, müşterek sevinc, mazilerinden duydukları müşterek vekar ve istikbale olan müşterek ümide malik insan grupları arasında dogar ve grup azaları arasında kendini gösteren kalbi bağlar sayesinde birlik vücude getirerek bunları mütesanit bir kütle haline getirir".

Bu suretle millet haricî sebebler tahtında vücude gelen ve cografî baglarla baglı ayrı ayrı cemiyetleri ruhen farksız gruplar halinde birleştiren deruni his ve tebeddülatın mahsuludur. Binaenaleyh, mil-

*) „Kafkasya Dağlıları" № 37, 1933.—Barasbi Baytugan'ın „Yaşamaga hakkımız varmıdır?" unvanlı mekalesi.

**) „Kafkasya Dağlıları" № 47, 1934 — B. Bilattinin „Millî hareketlerin ideolojik esasları unvanlı mekalesi.

*) Ernest Barker „Millî karakter ve onu vücude getiren amiller". Lehce tercümesi.

**) „Werschaft und Richt".

*) Sosyoloji ve siyasette millî ide".

leti fizikî bir şey gibi telakki etmekte mana yoktur.

Tarihî milletler, uzun müddet ayni bir hudud dahilinde yaşamış ve bu yüzden ayni haricî amillerin tesiri altında bulunmuş bir cok mütenevi irkî ne kavmî grupların tedricen tesalübü neticesinde dogmuş ve şekilleşmişlerdir.

Bu tedricî inkişaf vetiresi hatta en fazla maruf olan milletlerde bile henüz nihayete ermiş değildir. Le Bon'un fikrine göre, mesela fransız milletinde millî tesanüd işi hemüz bitmiş değildir. Fransız ihtilâlı milletin ayri ayri kısımlarının bir araya gelme işini oldukca tacil etmişsede, lakin pikardilerin, flamakların, burgunlarin, normanların, gaskonların, bretonların, provansal v. s. gibi milletin esas unsurlarının temamen karışub kaynaşması henüz vuku bulmamıştır. Le Bon'a göre, bunların seciye, ideal, his ve tefekkürleri arasındaki fark o derece büyük ve barizdirki şimdiden orta karakteristik fransız tipi hakkında bir şey söylenemez.

O, italyan milletini dahi bu vaziyette görüyor ve „İtalyada pigemonları, sicilyalıları, venediklileri, romalıları ve digerlerini görüyorum ama, italyanları göremiyorum" diyor.

İngiliz, şotlan, valıys ve irlandalılar arasındaki fark ve dahilî çekişme o kakar büyük ki, Ernest Barker bunları degil ayrı ayrı birer millet telakki etmek, hatta bunların siyasî hayat şekilerini müstakil devlet şekline benzetiyor.

Biz, yekpâreliği şüpheli olan diger milletler üzerinde tevekkuf edecek degiliz. Yalnız şu kadar söyleyelimki, bügün Almanya'da ittihaz edilen birleştirme tedbirleri alman milletinin temamen birleşmesi işinde pekte son merhale degildir.

Şimdi, şimalî kafkasya milletini tetkik edecek olursak, onun kendi, şuurunu bulmasındaki esasların da diger milletlerin kendi şuurunu bulması için hareket ettiği esasların ayni olduğunu görecegiz.

Her şeyden evvel şuna işaret etmek lazımdırki şim. kafkasyanın ayrı ayrı kısımları ötedenberi tek ve müşterek bir hudut dahilinde yaşaya gelmişlerdir. Muayyen bir hududa baglanmanın da üzerinde yaşayan kütle için kuvvetli ve daimî bir birlik sembolu olduğunu pek ala biliyoruz M. Şerer diyorki „ana toprakta miknatis kuvvetinin kaynağı saklıdır. Ayni toprak üzerinde doğmuş olanlar hep bu kuvvete dogru bir incizab duyuyor ve müşterek arzularile daha dogrusu meclubiyetlerile kendilerini birleşik hisediyorlar. Ayni zamanda asırlar uzunu, üzerinde millî hayat oyunu oynanan bir saha olan ve sayısız nesillerin acılarını ve sevinclerini taşımış bulunan toprak. bütünlügün ve cemiyet layemevtliginin en iyi bir semboludur .

Şim. Kafkasya milleti, bir çok müşterek amiller neticesinde tek ve müşterek bir manevî ruh vücude getire bilmiştir. Bu ruh, kendisini halk yaradıcılığı, edebiyat, maddi kültur v. s. gibi hayatın muhtelif sahalarında müşterek evsafla göstermektedir.

Şim. Kafkasya milleti, kendi millî rüşdünü, yakın geçmişte, müstakil hayata olan kati iradesini izhar etmek ve bu iradeyi evelce bayazlar ve sonra da kızıl müstevlilerle mücadelede vermiş olduğu kurbanlarla tahkim etmek suretile pek ala göstere bilmiştir.

Hiç şüphesiz, halin acı günleri şim. kafkasya milletini daha fazla birleştirmek için iyi bir çimento olacak ve ona yakın gelecekte millî ve hür hayatını elde ederek müstakil bir devlet halinde yaşamak saadetini bahşedecektir.

* * *

Millî vücudumuzun yegâne zayif noktası, milletimizin çok dilli olmasi ve tek, müşterek millî bir dilin mevcud olmamasıdır. Fakat, bu zayif nokta, şim. kafkasya milletinin dayandığı esasları sarsabilecek şekilde değildir. Zira yukarıda gördügümüz vechile, müşterek dil millet yaşayışının pekte zaruri bir şartı değildir.

Mesela biyolojik noktasından ayrı olub müşterek lisandan isiifade eden milletler olduğu gibi aksi, yani biolojik noktasından hemen ayni olub iki yahud daha fazla lisan kullanan milletler de vardır.

Bununla beraber, milletin inkişafında müşterek dilin ehemmiyeti ve mevkii o kadar büyük ki, her hangi bir millet ne olursa olsun tek ve umumî bir millî dil vücude getirmek mecburiyetindedir*). Millete has karakteristik subjektiv yani dahili unsurlarla beraber tek ve umumî bir millî dile malik olan bir millet, işte en ideal ve mütekâmil kir millettir.

Müşterek millî dilin sırf pratik meziyetlerini tetkike girişmiyerek, umumi millî dili kullanma neticesinde, kendini gösteren ve millî ruhiyatı takviyeye yarıyan bazı cihetler üzerinde bir parça tafsilatiie tevekkuf edelim.

Fikir ve his, dil, daha dogrusu kelam ile bir çok bağlarla bağlıdır. Bunların yardımile de dil ile millet arasında bazi ruhî

*) Burada müşterek millî dili, müşterek devlet dilinden ayri olarak telakki ediyoruz. Çünkü, müşterek devlet dili, daha ziyade mehanikî bir birligin vücude gelmesine yarayan tehniki bir vasıtadır.

rabitalar teessüs ediyor. Barker buna akrabalık adını veriyor ve milletin birleşmesi işinde dile çok büyük bir mevkı ayırarak bu husustaki fikirlerini şöyle izah ediyor:

„Her ifade hisse taalluk eden ve fikirler uyandıran unsurlarla yüklüdür. Bu unsurları anahtar — dil olmadan kimse çözemez ve his ve fikirleri anlayamaz, Bir milletin dilini bilmeden kimse o milletin kalbine nufuz edemez ve halkın ruhunu anlayamaz. Bilakis, dil bilinince bu vasıta ile bize derinden teshir eden ruhî bir kuvvetin hülûl ettigini hisediyoruz".

Bu suretle, dil halkın ruhunu açıyor ve onu daha kolay anlaşılacak bir şekle sokuyor. Fakat dilin en büyük ehemmiyeti, milli edebiyatı vücude getirmesinde ve milletin ruhî kültürü ile çok sıkı bir rabıtada bulunan millî yazı kültürünü yaratmasındadır.

Barkere göre „kendi dili ile vücude getirilmiş bir milletin edebiyatı onun hayat şekillerinden ve inkişafı üzerinde müessir olan amillerinden biri oluyor. Bu edebiyat milletin rûhî muhteviyatına nüfuz ederek onu kendi tesiri altında bırakıyor".

Mc Neile Dixon daha sarih olarak „edebiyat renk alıyor ve millî hayatın karakterini ifade ediyor" diyor.

Millî karakterin mahsulu olan edebiyat, ayni zamanda millî tefekkürün inkişafi üzerinde müessir olabilir, millî karakterin muhteviyatini tanzim eder. Lakin edebiyatın doguşu ve inkişafi için müşterek milli dilin mevcudiyeti elzemdir. M. Şerer diyorki:

„Müşterek bir dilin mevcud olmaması temiz hir millî edebiyatın vücude gelmesine engel oluyor.

Biz de demelyizki, müşterek dil, müşterek millî edebiyatla bir arada millî rabıtayı takviyeye yarayan ve millî şuuru kuvvetlendiren mühim amillerdendir.

Binaenaleyh, mevcud milletlerin degil yalnız müşterek bir devlet dili yaratmak, hatta müşterek devlet dilini müşterek millî bir dil yapmak için muntazaman çalıştıklarına hayret etmemelidir. Malum olduğu vechile vaktile çok dilli olan Fransa'da roman dili ileri sürülmüş, mevcud dil ve lehcelerden „langue d'oil" evvela müşterek devlet dili, bilahere de müşterek millî dil olmuştur.

Gene pek iyi biliyoruz ki, Appen yarım adasında bir çok millet ve dillerin karışması neticesinde nisbeten daha yakın bir geçmişte tek dilli bir italyan milleti vücude gelmiştir.

Ayni manzarayi alman milleti arasında dahi görmekteyiz. Şöyleki, mahdud derecede anlaşılan mahelî lehcelerden yüksek— almanca çıkarak Lüter ve bütün Almanya nin dili olmuştur.

Nihayet, bu güne kadar üç dili muhafaza eden İngilterede latin ve eski — fransız dillerinden sonra „Esat Midland" lehcesi bugünkü ingilterenin dili haline gelerek tedricen müşterek devlet dilinden müşterek millî bir dile inkilab etmedimi?

Daha ziyade genc milletler arasında dahi buna benzer dil birliklerine raslamaktayız. Mesela Amerika, Yugoslaviya, Çekoslovakiya v. s. hep dil birligine çalışan devletlerdendir. Hatta dillerin müsavat hakkının teşkilati esasiye kanunu ile tanındığı yerlerde (Belçika, İsviçre) bile bu birlik yolunda çalışma kuvvetli olub istikbalde müşterek millî dil mes'elesini müsbet bir şekilde haledebilecek vaziyettedir.

Her halde bütün bu misallerin ikna edebilecek kuvvette oldugunu zan ediyoruz. Bu misaller bize, müşterek millî dil mes'elesinin halli için elzem muayyen kaideleri göstermektedir. Kendisini bir millet gibi muhafaza etmeği isteyen bir millet müşterek millî bir dil vücude getirmek yolunda şuurlu olarak çalışmalıdır.

Tarihimizin şimdiki merhalesinde şim. kafkasya kabileleri, kendi millî „Benlik" lerinin muhafazası için en iyi bir silah olan ana dillerini muhafaza etmek mecburiyetindedirler. Fakat İstiklal elde edildiği, hür millî mevcudiyet devresine girildiği günden itibaren onlar, tek, müşterek millî bir dilin vücude gelmesine şuurlu olarak çalışmalıdırlar.

Hür Şim. Kafkasya'da bir avar, kabardin, balkar osetin, çeçen, kumuk v. s. degil, ancak şimalî kafkasyali olmalıdır.

Canbek Havjoko

David Urkhartin çerkeslere mektubu

Geçen asırda Kafkasya harbi denilen feci onyıllar müddetince İngiltere ile Şim. Kafkasya arasında vuku bulan münasebattan mecmuamızın evelki nushalarında mutaaddit defalar bahsetmişizdır. Ve bu münasebattan bahsederken resmî İngiltere siyaseti ile Şim. Kafkasyalıların kendi istiklâli uğrunda yaptığı savaşa şu ve ya bu

şekilde alaka ve sempati gösteren hususî şahısların faaliyetini biri birinden katiyetle ayırmışızdır.

Şimdiye kadar elde mevcud materyallarin müsaadesi nisbetinde, İngiltere hükûmetinın Şim. Kafkasya mukadderatını halle yarayan bu yıllara ait siyasetini tebarüz ettirmege muvaffak olmuşuzdur· Buna mukabil, kafkasya mes'elesini beynelmilel bir sahaya çıkaran ingiliz cemiyeti hususî mehafillerinin çok müsmir faaliyetini temamile tenvir ve tesbite yarayacak kâfi derecede materyale malik degilis.

İşte bunun içindirki, muruf çerkes dostlurından olub hayatının sonuna kadar Şimalî Kafkasya istiklalını beynelmilel sahada müdafaa eden David Urkhart'ın aşagidaki mektubunu neşr etmekle bu ciheti tekmil etmek istiyoruz*).

Bu mektub bir çok cihetten degerli olub müellifinin siyasî görüş sahasını bütün genişligi ile tebarüz ettirmektedir.

Mektubdan anladığımıza göre daha yarım şuurlu olarak millet haline gelmenin henüz ilk devresinde oldukları sırada Urkhart, bu teşekkül etmenin Şim. Kafkasya istiklalî ugrunda yapılacak savaş işinde oynadığı rolu çok iyi anlamıştır. Urkhart mektubununda mükerreren bu teşekkül etmeyi bir emri vaki gibi kaydederek diyorki:

„...Bu suretle siz Kara denizden Hazer denizine kadar birarada hep ayni kelimeyi okuduğumız ve kendinızın tek ve müşterek çerkes kelimesile yadedildiğini işittiginiz zaman memnun olacaksınz"... yahud „..Siz şimdi ayri birer kabile olmadıgınızı, bir ülkeye malik olub eksik olan cihetinizin ne oldugunu hisetmege başlıyorsunuz... v. s.).

İşte Urkhart millet haline gelme işinin ehemmiyetini nazara alarak bu ciheti daha fazla faal yapmak istiyor.

Urkhart için, o sıralarda gayri tabii bir surette şişen Rusyanın vücudunu gemiren millî ziddiyetler dahi meçhul bir şey degildir. Rusya esaretinden kurtulmak için savaşan her milleti o, daglı — çerkesların tabii bir dostu sayiyor. Ayni suretle o rus tehlikesinin daima aktiv olarak mevcud oldugu Yakın Şark memleketlerinde dahi bir çok müttefikler görüyor.

*) Vaktile „Times" gazetezinde derc edilmiş bu mektub Chev. Taitbont de Marigny'nin („Three voyages in the Black Sca to the Coast of Circassia") nam kitabından alınmıştır. Kitab 1835 de Londra'la basılmıştır.

Nihayet, Urkhart, ingiliz — şimalî kafkasya münasebatı ve Urkharta tahsis ettigimiz bundan evelki yazılarımızda kaydettigimiz vechile İngilterenin yardım edecegine dair demagojik vaitlerde bulunmaktan da çok uzaktır. Urkharta göre Şimalî Kafkasya kendi mukavemet kuvvetini başlıca olarak kendi birliginden ve esaretten kurtarmak isteyen Rusya'nın „dahilî düşmanları" arasından almaktadır.

Mektubun metni şudur:

London, the 21 St of Kebiul-Akir, 11231 (1835).

Muhtelif zamanlarda gerek mektub ve gerek se vilayetlerden gelen heyetler tevessütile sizden aldığım malumat ve haberlere şimdiye kadar vaktinde cevab veremedim. Sizden daha hoş yeni havadislere intizaren cevab veremedim, zira size istedigim gibi yardımda bulunmuş olmak için fırsat ve imkân bekledim.

Fakat, korkuyorum ki, ben daha fazla sükût edersem, hafızanızdaki yeni hislerin inkişafı tevekkufa ugrasın sizi bu yakın zamanlarda hürmet eden ve hürmet gören bir millet haline getirecek havadise intizar ettiginizi biliyorum.

İngiltere hakkında uzun müddet çok şey düşünmüşsünüzdür. Şimdi siz İngiltereden mektub alacaksınız. Bu mektubu her kaza ve vilayete gönderiniz, mollalar, beyler ve büyükler ehaliyi toplayarak mektubu halka okuyub anlatsınlar. Bu suretle siz kara denizden Hazer denizine kadar birarada hep ayni kelimeyi okudugunuz ve kendinizin tek ve müşterek çerkes kelimesile yadedildigini işittiginiz zaman memnun olacaksınızdır.

Mütaaddit defalar sizi ikaz ederek İngiltereden her hangi bir yardım ummanın dogru olamıyacagını bildirmişimdir. İngiltere Rusya ile harb etmiyor, binaenaleyh Rusya aleyhine müteveccih her hangi bir askerî harekâti himaye edemez. Ülkenizde bulunduğum zaman sizin Rusya'ya aid olmadıgınızı ayni zamanda Rusyanın sizin hakkınızda yazdığı şayiaların yalan olduğunu kendi gözlerimle gördüm ve Rusyanın size reva gördügü hareketlerden ve bizim için uydurduğu yalanlardan müteessir oldum.

Rusyanın İngiltere hususunda yalana müracaatı onun hakıkatten korktuğunu gösterir.

Yukarıda işaret ettiğim gibi (İngiltere) Rusya ile harb etmiyor. Binaenaleyh şimdiye kadar beklediğiniz ve umdugunuz yardımı size gösteremez. Bunun için dirki, ben

İngiltereden bekleyeceginiz yardımı nasıl anladıgımı size izah etmek mecburiyetini hisediyorum. Dikkatinizin bilhassa bu cihete çevrilmesini rica ediyorum, çünkü boş ve temelsiz ümit yersiz endişe ve korkudan daha az tehlikeli degildir.

İngiltere sizlerin Rusya tabaasi olmadığınızı bilerek, Rusya'nın size karşı (haksız) asker gönderdigini anladığı zaman rus emperatoruna soracak: „Sen kimsin ki, Avrupa büyük devletlerinin haberi olmadan harb ilan ediyor ve sulh muahedeleri yapıyorsun?" Bu vaziyet Rusyanın kuvvetini zayıflatır. Ve İngiltere Rusya'nın sizinle harb ettigini anlayınca onu (Rusyayi) telaşa düşürmeden kendi kendine soracak: „Neden Rusya şu kadar kan ve vesait sarf ediyor? Bu yalnız Çerkesistana müteveccih bulunamaz; ihtimal Rusya Kafkasya arkasında bulunan İran ve Türkiye ye el uzatmak istiyor. Biz Rusyaya Çerkesistani almağa müsaade etmemeliyiz".

Rus emperatorunun geniş hududlara malik olduğu keyfiyeti doğrudur. Şunu da biliyorsunuz ki, o Çerkesistanda bir kaç yard olsun bile bir hududa malik degildir. Rusya'nın sayısız askeri vardır, fakat siz daglarınız etrafına yayılmıs rus askerlerinin kemiklerini saya bilecek vaziyettemisiniz? Bundan başka Rusya, bütün Avrupaya Çerkesistanın kendine ait olduğunu ve size de Avrupanın kendisine aid olduğunu söylüyor.

Bu suretle o övünüyor ve yalan söylüyor; fakat cesur adam övünmez, kuvvetli adam da yalana müracaat etmez. Rusyanın milyonlarca tabaasi vardır. Fakat, aceba milyonlarca düşmanı yokmudur? (Emperatorluğun) her hududu düşmanlarla örtülmemişmi? Ve onlar (düşmanlar) (Rusyanın) dahilinde bulunan düşmanlara nisbeten nedirler?!

Diger taraftan biliyorsunuz ki İngiltere denizleri idare ediyor ve isterse Sevastopolu üç saat zarfında küle çevirir ve bi hafta zarfında Kara denizde rus bayragından bir eser bırakmaz. Zan ediyor musunuz ki rus emperatoru böyle bir şeye karar verir ve İngilterinin kararı aleyhine bulunur?

Bütün bunlar üzerinde düşününüz, o zaman Rusyanın neden sizi (Avrupa) ya yalanlar uydurarak tanıttığını anlarsınız. Rusya hakkınızda uydurduğu yalanlar sayesinde çok şeyler kazanmıştır. İngiltere hakıkatı ögrendiği zaman, Rusya çok şey kaybedecek ve neticede siz kârli çıkacaksınız. Evet, hakıkatın temamile, aydın olarak anlaşılmaması mümküdür. Belki İngilere hiç bir zaman Rusya'ya: „Sen Çerkeslerle harbe nihayet vermelisin" sözünü söylemiyecek. Fakat şüphe yok ki, sizin adınız Avrupa da anıldığı günden itibaren, hatta daha fazlası, bir ingilizin sizin sahillere ayak basarak Rusyanın mühim esrarını ögrendigi andan itibaren vuku balacak hadiseler karşısında duyulan korku, rus hükûmetinin hafi müesseselerine kadar girmiş ve bu cihet Rusyanın kuvvetini felce ugratarak, sizin kollarınızı takviye edecek ümidlerinizi tazeliyerek kalblerinizi birleştirecektir.

Fakat, şimdiye kadar Avrupaca meç hul olan bir hakıkatı yani istiklalınyı alenen bir aktlə ilan etmeyince ve kuvvetlerinizi bir araya getirerek müştere k bir idare altında kendizi Avrupa'ya erce hareketleriniz le mütenasib bir şekilde takdim ederek bu suretle Avrupa da dost kazanmak imkâni hasil etmeyince bütün bu ümitler boşa çıkacak ve tahakkuk etmiyecektir.

Binaenaleyh, vaziyetin İngilterece olduğu gibi takdirine verdiginiz ehemmiyet (şimdiki halde) idelerinizin inkişafini ve mefkudiyeti ruslardan daha ziyade düşman olan birliginizi tasri etmelidir.

Kim ola bileceginizi isbat derecesinde olsa dahi bu ümitlerin artık tahakkuk ettigini size söylemekle müftehirim. Siz şim di ayrı ayrı birer kabile olmadığınızı, bir ülkeye malik olub, eksik olan cihetinizin ne olduğunu hisetmege başlıyorsunuz. Bu ileriye dogru muvaffakıyet yolunda atılmış esaslı bir adımdır.

Lakin bu büyük ve mühim neticeler, sizi ögrendikten sonra alakadarlık gösterecek ve mukadderatınızı düşünebilecek Avrupaya ümid mahsulu değildir. Muvakkaten istila edilmiş, millî mevcudiyeti Avrupanın alenî akti ile temin edilmiş bir leh milleti de vardır. Bu millet kendi mukadderatını şizinle bağlı hısediyor. Rus ordusunda sizinle çarpışan 20,000 lehli nihayet silahlarının kendi kardeşlerine dogru çevirdiklerini anlıyacaklardır. Sizi layıkınca takdir edemiyen ve ümidlerinizi boşa çıkaran Osmanlı emperatorluğu sizlerin kendi müdafaacısı olduğunuzu Avrupa'dan ögrenecektir. Ve lezgi, kabardin, osetin, çeçen, çerkes ve abazların nazarı ilk defa olarak İngiltereye çevrildiği zaman burada bir noktada lehli, türk, iranlı ve adaletsizliğin iztirabını çekerek umumî düşmanın tedhişinden korkanların nazarlarına rastliyacaklardır. Bu suretle sizde İngiltereye bir kuvvet vermiş olur-

sunuz, öyle bir kuvvet ki, bu sayede İngiltere bir sözle Rusyayi her hangi birisine adaletsizlik yapmak imkânından mahrum eder.

Evet siz belki de „fakat ne zaman bizim adımız İngiltere de belli olacak ve onun gözleri bize taraf çevrilecek?" diye sora bilirsiniz.

Sizi temin ede bilirim ki, bir kaç ay geçmeden ingiliz kuvvetinin kölgesi sizin deniz sularına düşecek.*) İngiltere yüzünü Şarka çevirdiği zaman acaba nazarları Elbrusta duraklamazmı?! İngiltere rus tazyıkı ve adeletsizliğine karşı baş kaldırırsa, kalbinde Çerkeslere karşı da bir sempati hissi bula bilecekmi?! Eger İngilterenin müdahelesi Türkiye ve İranı kurtarmak endişesile vukubulursa, aceba o Kafkasya mücahidlerini de iyi karşılamıyacakmı?!

Bu suretle İngilterenin nazarı oraya (Şarka) çevrilirse hiddeti artacak, sempatisi uyanacak ve sizin devletinizin geçmişine ait gafletini anlayarak girmiş olduğunuz millî mevcudiyetin yeni devresini ögrenecektir. İste Çerkesistan adi yeni bir şekilde anılacağı ve Kafkasya'nın geçmiş istiklalı ilan edilecegi zaman—Çerkesistan Şarkta dogan bir yıldız gibi alkışlanacaktır.

Size, daha kahramanca çarpışınız—demek ihtiyacını his etmiyorum. Yalnız daha fazla düşünmenizi rica etmek istiyorum. Vilayetten vilayete, köyden köye yayılacak faydali fikirler çok iyi tohumlar saçacak ve günün birinde bu tohumlar size degil yalnız millî bir istiklal, millî bir azamet ve uyanışın hayırlı mahsullerini verecektir.

Daud.

*) Bu mektub „Vixen" vak'asından evvel yazılmıştır. Malum olduğu üzre „Vixen" vakası 1836 de ingiliz ticaret gemisinin „Şimalî Kafkasya sularında rus gemileri tarafından tevkıfi ingilterenin musallah müdahelesini davet eder ümidile Urkhart tarafından tertib edilmişti. Maalesef bu ümit boşa çıktı.

İşte, 100 sene evvelisi David Urkhart mektubunu yukarıdaki kanaatle bitirmişti.

Çekoslovakiya da Kafkasya hakkında

Çekoslovakiya Cumhur reisi T. G. Masarik'in „The Slavonic Reviev" mecmuasının son nushalarından birinde „Harbten sonra İslavlar" unvanlı bir mekalesi çıkmıştır. Mezkûr mekalede Avrupa'nın „Avrupa Birleşik Devletleri" ne dogru bir tekâmül seyri takib ettiği fikri ileri sürülerek bu ciheti isbat için Avrupa'nın bugünkü vaziyetinden bir çok misallar alınmıştır.

Bu misaller arasında şu fikre dahi rastlıyoruz: „İlk sırada muhtelif yerlerde milletler arasında daha yakın bir ittihad vücude gelecektir. Daha şimdiden Büyük Antant grupu mevcuttur... Bundan sonra küçük Antant geliyor. Ayni zamanda Çekoslovakiya ile Lehistan ve Avustrya arasında da itilaf mevcuttur. Sonra, Lehistan ile küçük Baltık devletleri arasında itilaf denemeleri yapılyor, ayni zamanda Ruaya'nın cenubunda Kafkasya devletleri birleşiyorlar*)... Her yerde birlige dogru bir hareket ve temayül görüyoruz. Prag'daki „Şark dostları klubunun" orğanı olan iki haftalık „Oasa" mecmuasının 4 ncü sayısında Dr. Gavelka'nın „Kafkasyada verem tedavisi" adlı bir yazısı çıkmıştır.

„Şimalî Kafkasya"nın ilk müjdeçisi olan „Hür Dağlılar" mecmuasında Kafkasiyata dair Çeh neşriyatı hakkında makaleler yazmış olan muharrire göre Çeh efkâri umumiyesi Şimalî Kafkasya'nın ehemmiyetini takdir edemiyor. Muharrir Şimalî Kafkasyanın bir taraftan bir tedavî bazası, öbir taraftan da, imkân dahilinde, kolonize bazası gibi istifadeye müsaid olduğu fikrini ileri sürürüyor.

Dr. Gavelka, fikirlerini teyid için maruf Çeh seyyahi professor Lat'e çok müracatler yapıyor. Professor Lat 15 yıl Kafkasyada yaşamış ve bir müddet Nalçiktaki kabarda lisesinde muallimlik yapmıştır. Dr. Gavelka, prof. Latın „Kafkasyada" adlı eserinden çok iktibaslar yapıyor, bunların arasında şunları buluyoruz: „Kafkasya iklimini tetkikı mes'elesi vaziolunmuş olsaydı, ben şımdilik Çerkes-kabarda vilayetini, bilhassa onun başlıca şehri olan Nalçiki teklif ederdim"... Nalçık konsolosluğumuz için en münasib bir yer olurdu. Burada çerkeslerle bizim ve bizim ile çerkeslerin yaklaşması temin edilirdi. Çerkesler tarihlerile de buna hak kazanmışlardır, çünkü onların tarihi, iztirab ve zaferlerile, bizimkinin aynidir.

*) Müstakil Çekoslovakiya'nın kuvucusu ve cumhur reisi „Rusya'nın cenubunda" Kafkasya devletlerinin birleştiklerini kaydetmekle hiç şüphesiz, bir müddet evvel Kafkasya mümessileri tarafından imza edilen Kafkasya Konfederasyon Misakını kast etmiştir. İdare.

Коста

Недомыслие или „вредительство"?

Не без основания кавказская эмиграция могла бы испытывать известное удовлетворение тем, что судьбе угодно было избавить ее от всех тех „острых переживаний", каковые выпали в удел нашим народам, находящимся под игом красной Москвы, под тяжелым прессом большевистских оккупантов. Это довольство своей судьбой не имеет, конечно, характера радостного переживания дезертира, покинувшего поле битвы и своих соратников, спасая собственную шкуру. К подобному чувству может располагать нас только сознание того, что вдали от кошмарной обстановки советской действительности, скорбя о всех испытаниях наших народов, определенной группе кавказских народов, не взирая на скитальческий образ жизни, все-же удается работать на европейской арене в том направлении, которое рано или поздно доведет наши национально-освободительные стремления до желанного и справедливого конца. Но это сознание было бы сильно и возвышенно лишь в том случае, если бы кавказская внешняя эмиграция действительно все свои помыслы стремилась направлять в сторону того положительного полюса нашей проблемы, на котором мы должны накопить и сконцентрировать весь наш идейный, политический, программно-пропагандный и нравственно-правовой потенциал. При характере и условиях нашей работы, могут образоваться даже несколько организаций и групп, работающих в одном и томже направлении, пусть даже с некоторыми „уклонами", вызванными на почве чисто личных отношений, в зависимости от места пребывания данной группы, от своеобразной тактики действий всевозможных „лидеров", нарождающихся всегда по различным признакам во всяких организациях политических. И если бы такие, вот, группировки и организации жили и работали под покоряющим желанием неустанно приносить посильную пользу общему национальному делу, то такой отрадный факт невольно воодушевлял бы каждого в этих группах в его работе, если бы даже при этом не было взаимных рукоплесканий и признаний. Когда при подобной работе каждый член, пусть даже разрозненных, групп искренно рад успеху рядом или далеко стоящего соратника и так-же искренно огорчен его промахами, то в конечном результате вся общая работа может, все-же, стать на правильный и твердый путь. Различные же ньюансы применяемой тактики всегда будут в полном согласии с требованиями общей нашей задачи, всей стратегии нашей проблемы, лишь бы во всяческих начинаниях и действиях всегда царила добрая воля, а не злой умысел. В сущности говоря, кавказская эмиграция должна была бы иметь все основания гордиться отсутствием в ее среде таких партийно-политических доктрин, которые бы не поглощались глубоким чувством любви к Родине.

Такое положение вещей является не только желательным, но и более соответствует тем нашим традициям, которые создавались и выковывались на принципе взаимной выручки, на началах полного единения еще во времена неравной, но славной борьбы наших предков с извечным нашим врагом. Но, к сожалению, факты говорят в некоторых случаях о противном.

Стоит только, например, кому либо отколоться на личной почве (других мотивов нет!) от данной своей национальной организации, как уже собирает вокруг себя „ударную группу", чтобы начать поносить вчерашних своих соработников, называя их работу (а тем самым ведь и свою прошлую) чуть-ли не преступной; стоит только на свет появиться нашему новому печатному органу, наряду с уже существующими, как сейчас-же сколачивается новая журнальная группа с новыми „преторианцами" и начинается ядовитая и злобная полемика, не всегда, впрочем, искренняя в своих „возмущениях". Порой получается впечатление (если журнал издается на русском языке), как будто бы люди, когда-то научившиеся чужому языку, вступают просто в какое-то соревнование в знании всей „эквилибристики" этого языка, дорвавшись до возможности писать и подписываться в пе-

---

Onlar (çerkesler) geçmişte malik oldukları şöhretleri ve istikbalde dahi malik olacaklarına şüphe olmıyan ehemmiyetlerile de buna hak kazanmışlardır. Humaniter mahiyetteki bir teşebbüsten sonra iktisadî münasebet dahi tesis oluna bilir ve neticede imkânsız görülen bir birlik kurula bilir".

чатном органе. Нужно же, право, признать (хотя бы теоритически), что существование за границей всякого кавказского органа, стоящего на страже национальных интересов народов Кавказа, должно радовать каждого из нас в одинаковой степени. И нельзя, думаем мы, довольствоваться только наличием обычной лойяльности между существующими печатными органами, — тут не простая лойяльность должна соблюдаться, а самая искренняя и открытая взаимная поддержка. Благожелательная критика, пусть даже порой и острая, никогда и никому не повредит, ибо в пределах одной, так скажем, национально-политической семьи такая критика была бы ничем иным, как полезной самокритикой. А что мы видим?! Читая и перечитывая парижский журнал „Кавказ" (№№ 8—11), приходится недоумевать, — кто и когда сумел заразить нашу кавказскую среду подобным русским „расшибу", откуда у нас такая желчь и так изысканно подобранная ругань?! Есть-ли тут та „честность", о которой вспоминает один из наших сородичей, цитируя Joseph'a Caillaux на страницах этого журнала, есть ли здесь вообще спокойный и человеческий подход к общим нашим вопросам, так нуждающимся в безоговорочной поддержке каждого из тех, кто хотя бы раз в жизни высказал свою готовность служения интересам своего народа? Едва-ли кто мог ожидать, чтобы оглашенный миру Пакт Кавкасской Конфедерации таким катастрофическим и неприемлемым оказался для кавказцев из „Кавказа", восставших против этого акта, его исполнителей (пусть не вдохновителей) и лиц, под ним подписавшихся, — и выливших в своем озлоблении столько едких чернил и помой. Тут, конечно, не было никакой катастрофы для нашей проблемы—катастрофу потерпела только чья-то больная амбиция, чья-то „квалифицированная" спесь. „Кавказ" взял под свою защиту не „наше общее национальное дело", а просто свое „я", бывшее громкое „я" и т. п. Один из сотрудников этого журнала*), желая показать себя весьма удрученным и скорбящим по поводу Пакта, пишет: — „...Нельзя говорить обо всем этом без стыда для нашего национального дела и без страха за наше национальное будущее. И тем не менее нужно говорить. Ибо есть люди, стада людей, есть целые легионы мрачных и страшных людей, грузин и негрузин, чуждых святому и подлинному национальному делу и служащих сознательно, или по неразумению, целям, враждебным божественности, человечности, гражданственности и культурности"... Хотелось бы нашему ревнителю „божественности" высказать глубокое чувство соболезнования по поводу того, что он на своем „тернистом пути" встречал столько легионов „мрачных и страшных людей, грузин и негрузин" (иначе говоря, среди кавказцев!),—противников чуть-ли не всех добродетелей. К чему, скажем по-совести, подобная крылатая и „уничтожающая" проповедь, неужели только для краснобайства? Не буду касаться никакой „божественности", но скажу по-земному, по-человечески, что такая вот гнусная фразеология далеко не является признаком „культурности и гражданственности". Пишущий эти строки отнюдь не собирается нападать на кого либо по какой-то обязанности и в угоду кому-то (не терплю угодничества!), высказывается не из каких либо побуждений принадлежности к иной организационной группе, а просто возмущается и искренно скорбит по поводу той демагогии, от которой мы, кавказцы, раз навсегда должны отказаться во имя тех-же — „нашего национального достоинства и нашего национального будущего". Как не поражаться, например, тому, с каким легким сердцем тот-же гонимый легионами „мрачных и страшных людей" архигражданин сравнивает грузинский центр, подписавший Пакт, с „побитой мордой"; и почему это наш „божественный" земляк так упорно пользуется лексиконом тех слов, которыми пользовались всегда русские „культуртрегеры" на оккупированной врагом нашей Родине? Не думаю (и рад в это верить), чтобы даже пристегнутые к „протесту" наши соплеменники из Карского и Самсунского национальных центров одабривали в душе подобные способы взаимного „исправления".

И если в составлении и способе прокламирования все того же Пакта не было, допустим, большого консонанса, то не было в том также и такого уж диссонанса, чтобы для здравого и спокойного рассудка он стал чем либо абсолютно неприемлимым. Ведь не потерял же, в самом деле, в глазах интересующейся Кавказом части людского мира, этот исторический акт свой raison d'être только из-за того, что он подписан не всемирно известными именами (каковых у нас, среди живущих, признаться, и нет)? Трудно понять, — из

*) Умышленно не называю лиц, дабы не придавать простому высказыванию своего мнения какой либо лично-враждебный характер (К.)

каких побуждений, собственно, наши „квалифицированные" сородичи так тужились оповестить миру, что-де все это является фальшиво сфабрикованным безответственными элементами актом, — во всяком случае не из побуждений „национальной гордости" и не во имя „нашего национального будущего"! Получается, скорее, такое впечатление: если наши „протестанты" усмотрели в прокламированном Пакте какой-то успех в нашей общей с ними проблеме, то они предпочли притвориться возмутившимися и скорбящими, выискав никем еще не понятые мотивы для своего „траура"; если же они и впрямь сочли этот политический шаг за какое-то faut pas, то они предпочли ехидно этому порадоваться, преподнося прежде всего нашим врагом (тоже общим, надеюсь) случившийся факт в спрофанированном виде. Трагедия-то в том и заключается, что все эти выкрики, окрики и необоснованные укоры ни для кого из нас не могут иметь исправительного и поучительного значения, так как в них трудно даже заподозрить подобной наставнической цели; они скорее радуют и потешают наших недругов. Вполне достаточной была бы одна осмысленная и спокойная статья, в которой можна было бы обстоятельно изложить со своей точки зрения (справедливой или ошибочной) все дефекты, неувязки и всю „незаконность", сопровождавшие этот документ в его появлении на свет. В конце концов существуют, ведь, и частная переписка, частные разговоры и т. п., путем которых можно было бы „образумить" хотя бы post factum тех, которые допустили, якобы, какое-то недомыслие; это было бы понятнее и более соответствующе благим намерениям, вытекающим из побуждений охраны интересов наших народов, носителями чаяний которых мы претендуем быть. Этого не было, ибо во всем выступлении „Кавказа" было все же более злой, чем доброй, воли. Поэтому хочется сделать такое предостережение для наших зарубежных кавказских организаций, связанных общей основной идеей освобождения и возрождения наших угнетаемых народов: всякое выступление одной группы с целью оправдать свою особую позицию и дискредитировать работу другой, — не принесет никогда столько пользы для первой и вреда для другой, сколько пользы принесет оно общим врагам. Это так-же легко понятно, как и легко забывается... Почему бы и не притти в радостное умиление, услышав из уст видного грузинского политического деятеля, что, дескать, такой то горец является „лучшим и квалифицированным представителем Северного Кавказа"; но нельзя же за этим последним на-веки признавать полную непогрешимость в той же, скажем, области „божественности, человечности, гражданственности и честности" только из-за того, что он (или Он) когда-то был „скоропостижным" министром, получил высокую квалификацию и, как никто из нас(!), имеет самый министерский облик. Такая верноподданническая предвзятость в оценке друга никогда не принесет пользы, ибо авторитета нельзя домогаться, а его нужно заслуживать целым рядом таких положительных признаков, которые никогда не проходят незамеченными и неоцененными. Можно ничего не иметь против подобных взаимных дифирамбов, лишь бы они не носили навязчивый характер.

Но с другой стороны, мы, кавказцы, не всегда должны позволять себе и того, чтобы кого либо окончательно и бесповоротно вычеркивать из наших все еще общих рядов (пусть и не совсем еще тесных), стоящих на одном и том-же фронте борьбы за осуществление чаяний наших народов. Такую „роскошь" мы можем позволять себе здесь, в эмиграции, лишь в весьма крайних случаях. Мы все теперь нужны друг-другу, а еще больше понадобимся нашим народам в будущем, — вот своего рода лозунг, которым мы должны руководствоваться. Среди нас нет таких „страшных и мрачных" людей, с которыми бы невозможно было итти плотно рядом, толкая колесницу наших святых идей все вперед, отбивая руки лишь тем, кто умышленно и по наущению темных сил вставляет палки в колеса этой колесницы. Если мы успели уже оповестить всему миру о несправедливо-жалкой роли наших народов, как насилуемых и угнетаемых, то перестанем же по крайней мере хоть в своей среде применять способы взаимных надругательств, насилия и демагогии. Один из полномочных членов азербайджанской делегации, говоря о „неправомочности" оглашенного Пакта, оказался настолько злобно-формальным, что заявляет: „к тому же в течение последнего года своей жизни Али Мардан Бей Топчибаши, по состоянию своего здоровья, не был способен к совершению актов сознательной воли". Едва-ли достойному светлой памяти Топчибаши можно было что-либо подобное поставить в упрек за четыре месяца до

Его смерти*). Демагогичность подобного заявления легко доказать и осудить, если мы скажем: ведь не нужно было иметь столько уж „здравого ума и твердой памяти“, чтобы вникнуть в то, что особенно ревностно проводил сам покойный А. М. б. и что было, как бы, Его духовным завещанием, не нуждавшимся в каком либо тщательном изучении. Кавказцы из „Кавказа“ дружно взялись не признавать за Пактом абсолютно никакого значения, они не хотят понять и того, что к подобным политическим и пропагандным актам, будто бы немного значущим, всегда прибегали политические деятели тех народов, которые находились пока еще в стадии борьбы за свою независимость, и лишь по достижении цели эти акты приобретали свою историческую ценность. А разве некоторые из теперешних всевозможных договоров и пактов не играют одну только роль политических фейерверков?... Забудем лучше о наших прошлых заслуженных или напускных достоинствах, ошибках и грехах, пора перестать также укорять друг-друга в тех всевозможных „злодеяниях“ и попустительствах, которые, якобы, вызвали крах среди наших народов, лишившихся так скоро своей вновь обретенной свободы и национально - государственной жизни. Припомним себе тут слова Метерлинка: — „Людям, умным задним числом, легко сообразить, — как бы надлежало поступить раньше, когда они уже знают, что произошло впоследствии“... Изучив уже в достаточной степени уроки далекого и недавнего прошлого, давайте лишь думать о том, чтобы „наше настоящее было лучше прошлого, а наше будущее лучше настоящего“. Пора уже нашей эмиграции, которая выше, подчеркнуто, названа внешней, брать пример с той внутренней эмиграции, которая на нашей страдальческой Родине-Кавказе творит кавказское национально-освободительное дело при более легком сговоре, без различия мелких принципов, убеждений, возрастов, вероисповеданий, цензов, стажей и тому подобных „квалификаций“. И горе нам, если мы когда либо получим заслуженно их упреки за наши ни на чем, в сущности, необоснованные дрязги и взаимную вражду, льющие обильную воду на мельницу и тамошних, и здешних наших врагов. Находясь вдали от Родины и наших народов вот уже 16 лет, пора оставить взаимные упреки за прошлое, не время теперь „покорять“ друг-друга своими прошлыми амплуа, непроявленными талантами и т. п., равно как и по возвращении на Родину было бы так-же смешным продолжать эти дрязги на глазах у тех, которые (будем надеяться) встретят нас не только как носителей победившего духа и восторжествовавшей правды, но и как устроителей их новой жизни на началах истинной свободы и национально-государственной самобытности. А потому — пора также сжечь ту нашу иерархическую лестницу, которая построенна по признакам прошлого „величия“; подобная „квалификация“ будет создана сама по-себе на нашей земле, среди наших народов и по более ценному признаку, — по степени самоотверженного служения своему народу и преданности его интересам. Нашим-же бывшим и будущим министрам надлежало бы изредка вспоминать Бисмарковское изречение: — „Когда министры бьют стекла, то за ремонт платит народ“. Перестанем же устраивать дебоши в храме наших святых идей! Лишь бы засияло солнце свободы кавказских народов, а там уже не важны будут несколько на нем пятен, — они есть и на том солнце, которое является творением Всемогущего. И так: — истинное благородство, испытанный дух кавказца, гранитная стойкость наших предков, рыцарство без страха и упрека, врожденная нам прямота, традиционное мужество, национальная гордость, непоколебимая вера как в правоту, так и торжество нашего дела, незапятнанная совесть и честный подход к народному делу!

*) См. протест членов семьи покойного А.М. б. в журнале „Северный Кавказ“ № 8, стр. 27 (К.)

Шимали Кавкас'ялы

Новая Турция на стройке

Как известно, в 1934 году турецкое правительство разработало план организации национальной промышленности. План этот преследует несколько целей: с одной стороны, он стремится уменьшить дорого стоющий импорт и способствует стабилизации валюты, с другой же стороны, увеличивает обороноспособность страны и создает условия для промышленного потребления добываемого сырья в пределах страны.

Конкретные задания пятилетнего плана сводятся к следующему:

Текстильные комбинаты в Кайсери (срок окончания—июль 1935 г., стоимость—5 млн. лир), Назили (1935 г.), Эрегли (1936 г. — 3.5 млн. лир) и Бакиркёе (расширение фабрики закончено в 1934 г.), вместе с проектируемым второй пятилеткой комбинатом в Аль-Азизе или Малатии (1937 г.), будут давать 70 млн. метров хлопчатобумажной ткани в год или покроют всю потребность страны. Они будут иметь 130 тыс. веретен и 12 тыс. автоматических станков с общим числом рабочих 300 тыс. против теперешних 127 тыс. Эти комбинаты будут ежегодно перерабатывать 120 тыс. кип хлопка (валовая продукция хлопка составляет в настоящее время 80 тыс. кип).

Шерстяная фабрика в Бурсе стоимостью в 1,5 млн. лир будет закончена в 1935-36 г. Ежегодно она будет производить 4.000 тонн шерстяной пряжи, т. е. покроет всю потребность страны.

Пеньково-джутовая фабрика в Тире и Кастамону вызовет увеличение площади посева конопли с 160 тыс. акров до 1,6 млн.

Фабрика искусственного шелка в Гемтике стоимостью в 500—600 тыс. лир будет давать ежегодно 1,2 тыс. тонн продукции, которая также покроет всю потребность страны.

Сахарные заводы в Эскишехире и Турхале вместе со старыми заводами в Альполлу и Ушаке дадут 70 тыс. тонн сахара, т. е. в ближайшие годы покроют всю потребность страны. Проектируется новый завод в Эрзеруме стоимостью в 500 тыс. лир. Число рабочих во время сезона работ достигает 4,5 тыс. чел. Посевы сахарной свеклы превысили 400 тыс. денумов*).

Бумажная фабрика в Измидском заливе будет закончена в 1935 г. (первая очередь). Годовая производительность—10,5 тыс. тонн. Покроет потребность на 50 проц. Будет перерабатывать ежегодно 13 тыс. куб. метр. леса, а вместе с целлюлозной фабрикой—65 тыс.

Стеклянный завод в Истанбуле стоимостью 1,2 млн. лир будет пущен в эксплоатацию в 1935-36 г. и будет покрывать 70 проц. потребности.

Фарфоровая фабрика в Кутахии стоимостью в 500 тыс. лир будет пущена в 1935-36 г. и будет производить 750 тонн продукции, т. е. 60 проц. потребности страны. Так же, как и стекольный завод, будет работать на местном сырье.

Пущены в эксплоатацию фабрики молочного порошка в Бурсе и молочная фабрика в Карсе.

Переходя к тяжелой и добывающей промышленности, отметим, что постройка металлургических заводов в Кастамону и Зонгулдаке стоимостью в 12—15 млн. лир будет закончена в 1937 г. Завод по выработке искусственного антрацита заложен в 1934 г. и будет закончен в 1935 г. Завод быдет давать до 500 тонн авиационного бензина, 3 тыс. тн. гудрона, 61 тыс. тн. искусственного антрацита.

Проектируется строительство вагоностроительного завода в Адабазаре. В 1935 г. будут сданы в эксплоатацию заводы, производящие серу, хлор и серную кислоту в Зонгулдаке, и заводы искусственных удобрений и взрывчатых веществ.

Значительно расширяется угольная промышленность. Проектируется постройка завода по производству труб в Истанбуле. В 1936 г. начинается добыча меди в Эргани, который располагает запасами в 4—5 млн. тн. и будет давать до 15 — 20 тыс. тонн меди ежегодно (капитал 5 млн. лир, число рабочих—1 тыс. чел.). Ведутся разведки нефти (Мардин, Джирге, Мюрефте, Ризе, Орду, Сивас), серы (Испарта и Кутахия) и золота (Кагызман и районы Аракса). В области электрификации проектируется использование водной энергии р. Секарии, а также водопадов в Анталии и Трапезонде. Тепловая электростанция строится в Зонгулдаке.

Таким образом, мы видим, что в ближайщие 2—3 года Турция должна освободиться от импорта хлопчато-бумажных, шерстяных, пеньково-джутовых и шелковых изделий, а также сахара, ввоз которых из-за границы поглощал десятки млн. лир ежегодно (за последние 10 лет—около 1 миллиарда лир). Новые предприятия покроют также значительную часть внутренней потребности в бумажных, стекляных и фарфоровых изделиях. Оживится, несомненно, и сельское хозяйство, так как внутреннее потребление местного сырья (хлопка, шерсти, свеклы, конопли и т. д.) увеличит его товарность. Зависимость страны от импорта в ряде товаров сильно уменьшится. Это повлияет на стабилизацию турецкой валюты, которая в связи с платежами по Оттоманскому долгу продолжает оставаться в напряженном положении. Все эти обстоятельства, способствуя поднятию экономического благосостояния страны, уве

*) Денум = 919,3 кв. метра.

личивают одновременно и ее милитарную мощь.

Не последнюю роль в успешном завершении пятилетнего плана играет железнодорожное строительство, проводимое вне норм этого плана. Согласно сообщению здешней газеты „Хакимиете Миллие"*) осенью прошлого года, в Турции за последние 11 лет построены следующие дороги:

Самсун—Сивас. Длина этой линии, соединяющей центральную Анатолию с Черным морем, — 378 км.

Анкара—Сивас—железнодорожная линия протяжением в 602 км. Соединяет столицу с двумя важными пунктами Кайсери и Сивас.

Кутахия—Балыкесир (252 км.). Соединяет Багдадскую железную дорогу с железнодорожной сетью Измирского района.

Улукишла—Кайсери (137 км.). Соединяет Багдадскую жел. дорогу с железнодорожной линией Анкара—Сивас. Кроме того линия Улукишла — Кайсери обеспечивает связь между портами Мерсин и Самсун, т. е. между побережьями Средиземного и Черного морей.

Февзи-паша—Диарбекир (368 км.). Эта железнодорожная линия ведет к главному порту восточного вилаета Эль-Азиз. Предстоит постройка дополнительного участка этой дороги, протяжением в 163 км., который соединит Аль-Азиз с Диарбекиром. Всю эту железнодорожную линию предположено пустить в эксплоатацию в настоящем году.

Ирмак—Эрегли (390 км.). Из этой железнодорожной линии в эксплоатацию пущено пока 298 км. Остальная часть дороги должна быть закончена постройкой в течение 1935 г.

Кроме того, в настоящее время строятся следующие две железнодорожные линии:

Сивас — Эрзерум, с ответвлением на Малатию. Построено пока 183 км. этой дороги, общее протяжение ее будет —700 км. Стоимость этой дороги исчислена в 58 млн. турецких фунтов. Дорога должна быть готова в начале 1940 г.

Афион — Анталия (150 км.) установит связь между анатолийскими железными дорогами, с одной стороны, и железной дорогой Измир — Касаа (и ее ответвления-ми), —с другой. Эта дорога должна быть передана в эксплоатацию в этом году.

„Хакимиете Миллие" указывает, что окончание постройки дорог Сивас—Эрзерум и Афион — Анталия „даст турецкой железнодорожной сети позвоночный хребет".

После визита Риза-Шаха Пехлеви, здесь много говорилось и писалось о постройке турецко-иранской железнодорожной магистрали. Чаще всего выдвигались проекты следующих линий: Анкара — Кайсарие — Сивас—Эрзерум и Тавриз—Трапезонд. По слухам, мысль о турецко-иранской магистрали была весьма неодобрительно принята в Москве, которая считает, якобы, что с этим проектом „иностранные империалисты" постараются связать свои собственные „империалистические планы". В настоящее время проект этот перестал быть актуальным.

Конечно, строительство новой Турции происходит не без участия иностранных капиталов (общие вложения иностранного капитала в Турции составляют в настоящее время около 4 миллиардов зол. франков). Например, германский капитал принимает участие в крупных железнодорожных поставках, в строительстве бумажной фабрики, текстильных комбинатов. Немецкие банки заключили соглашение с Сумерийским банком о предоставлении крупных кредитов под заказы на оборудование турецких предприятий. Пытается овладеть турецким рынком, под видом „дружественной поддержки" и советский капитал. В счет пресловутого „беспроцентного" займа в 8 миллионов ам. долларов в Турцию направляются промышленное оборудование (главным образом, для текстильных фабрик), оборудования для канализации в Анкаре, автомобили и т. п. Все это сопровождается советскими „спецами", которые наглядно демонстрируют „дружеские чувства" советского союза к Турции. „Туркстрой" организовал даже специальные курсы и выпустил турецких специалистов текстильного дела—инжинеров и техников.

Это увлечение советской „техникой" вызывает в некоторых турецких кругах большие сомнения в успех проводимого строительства. Недомогания „советского строительства" и здесь не составляют тайны, вызывая у благоразумных вполне обоснованное желание не допустить в местной пятилетке печальных опытов пятилеток советских.

Анкара, июнь 1935.

*) Ныне переименованной в „Улус".

А. Кундух

По поводу заметки Æsson-а

В заметке, помещенной в № 11—12 сего журнала, г. Æsson, столь же мало обоснованно, сколь и резко, критикует выводы пишущего сие относительно возникновения у восточных арийцев (ироны, иранцы и славяне) термина „писать", согласно которым основой этого термина являются иронские (осетинские) термины „nyv" и „iš", образовавшие сложный глагол „nyvišyn," от которого производятся все остальные формы этого понятия у названных арийцев (см. № 8 жур. „Сев. Кавказ").

По мнению автора заметки, дигорское „niffinsun" при этом условии должно было бы приобрести форму „nivesun", т.е. форму „никак не об'ясняющую" слово „написать", а так как, мол, получилась форма не „nivesun", а, именно, „niffinsun", то он полагает, что „такая находка и гроша не стоит".

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что, желая об'яснить происхождение упомянутого термина, мы далеки были от стремления придать ему значение „находки", при которой оставалось бы только крикнуть „Эврика!". Имелось всего на всего скромное желание выяснить скрытый смысл лишь одного термина из значительного словарного материала, давно уже просящегося в лаборатории лингвистов, но все еще находящегося почти в полном пренебрежении.

Нормальный ход анализа случайно подвернувшегося термина показал, именно, тот результат, с которым не соглашается автор заметки. Но здоровая критика всегда может принести лишь пользу и поэтому остается благодарить г. Æsson-а за его желание видеть более прочный фундамент под выводами, относящимися к науке, обыкновенно не терпящей жидких устоев.

Автор заметки утверждает, что если бы „nyffyššyn" („написать") образовалось от двух слов „nyv" и „išyn" = „nyvišyn", то по-дигорски оно сформировалось бы не в „niffinsun", а в „nivesun", т.е. форму „никак не об'ясняющую интересующее нас слово «написать»". Но какие же доказательства приводит сам упомянутый автор тому, что дигорское „niffinsun" происходит не от уже испорченной формы „nyfyššyn", правильный прототип коего есть сложный глагол „nyvišyn"?

Если дигорское „niffinsun" (и „finsun") иронское „nyffyššyn" (и „fyššyn") образовались не из этого глагола, а из санскритского корня „pis"-, пехлевийского „pés"- и новоперсидского „bes"-*), обозначающих „форму" или „украшение", кои в свою очередь „обозначали ближе всего практику первобытного «писать»", как утверждает автор заметки, то как об'ясняет он, напр., развитие из этих корней фарсского „nyvyšten" — писать и почему в фарсском отсутствует форма „vyšten", долженствующая быть прототипом нынешнего „nyvyšten"? Ведь естественно, что при развитии понятия (термина) „писать" из корней „pis"-, „pés"- и „bes"-, должен был бы прежде всего образоваться глагол „писать" в видѣ „pistän", „péstan", „peštän", „pištän", „bestän", „beštan", „byštän" или, наконец, „vyštän". Но глагола „писать" в таком виде в иранских языках не существует.

Автор подчеркивает морфологическое сходство корней „pis"-, „pés"- и „bes"- с польским „pis"-, чешским „ps"-, русским „пис"- и даже иронским, подразумевая очевидно „fys"-из глагола „fyššyn" (испорченная форма от „nyffyššyn"), хотя необходимо добавить, что „fyš" или „fys" по иронски прежде всего есть существительное „баран" или „овца", с которым связано и „foš" или „fos" = скот, имеющий родственные аналоги и в других индоевропейских языках. Автор кроме того не приводит не только этого доказательства образования иронского корня „fyš" из санскритского или иранского его прототипа, но вообще обходит молчанием закон, по которому иронское „f", почти всегда в иранских (и др. арийских языках) переходит в „p", а иногда и в „v" или „b". Примеры: корень „fyx"- (в процессе варки, печения и т. д.) в „puch"**) в глаголе „puchtän" — варить, печь, дозревать. Иронский „fæš" = „päs" (после), также иронское „faš-xox"-за горой в иранское „pošty-kuch"-за горой; иронское „fæštæye" или faš-tee"-сзади, за — в иранское „pošty"-; иронское „fæšmon"-раская-

*) Глагола или существительного с этим корнем „bes"-, обозначающего „украшение", „форму" — в фарсском нет.

**) Иронское „x" в словах не иронских мы обозначаем через созвучное ему „ch".

ние, сожаление—в иранское „pešiman"-раскаивающийся; иронское „fæšmyn"-шерстяной — в иранское „pešmin"-шерстяной, отсюда же и „pešm"-шерстяной. Иронское „fænd"-совет, мысль в иранское „pänd"-мысль, совет, мнение; и т. д.

Приведенный пример „fæšmyn" и иранское „pešmin" имеет специальное значение: прилагательное окончание „yn" перешло из иронского в иранское или во всяком случае сохранило типично иронскую форму с древнейших пор, ибо, как известно, так именно оканчиваются иронские прилагательные („qædyn"-деревянный, „duryn"-каменный), тогда как в фарсском напр.: „čubi"-деревянный, „sengi"-каменный, „achäni"-железный и т. д.

Что „f" иронское, придя с севера в Иран, переходило здесь в „p" доказывается весьма многими примерами, из коих укажем один, довольно важный: корень „pur"-сын, ныне фигурирующий почти во всех иранских, как фарсском, так и древних, языках, в своем древнейшем виде в Иране фигурировал как „fur", т.е. точно так же, как сохранился он и доныне у самих иронов.

Следовательно, ничего странного нет в том, что из испорченного уже иронского глагола „fyššyn" ложный его корень „fyš" мог перейти в другие языки в виде „pyš", „piš" и т. д. и, хотя корень этот действительно встречается в таком виде (pis-) в славянском глаголе „писать", но несмотря даже на такую возможность в иранских языках в значении „писать" его не встречаем.

Но главный интерес представляет то, что автор заметки, допускающий происхождение иронского „fyššyn" и „nyffyššyn" из Индии или Ирана, об'ясняет вопрос так, что если понятие „писать" происходит — в чем он уверен — от корня „пис-", то и производная „написать" образуется при помощи глагольной представки „на". Вот здесь то и нельзя доказать, что основой спорного глагола суть индоиранские корни, ибо эта представка „на" имеет аналогов своих лишь в иронском „ny"-, встречаемом весьма часто как глагольная представка (наряду и с другими, как напр., „ba"-, „a"-, „ra"- и т. д.), и славянском „na" в повелит. и неопредел. наклонениях. Как же иронские и славянские глаголы с означенной представкой могли образоваться от иранской формы, если, напр., как в фарсском, так и пехлевийском нет этих аналогов с подобными глагольными представками? Правда, в фарсском „nyvyšten" мы имеем частицу „ny"-, как и „на" в персидском „напиштам", приводимое автором заметки (если он под „персидским" подразумевает фарсскую форму термина „писать", то она фигурирует как „nyvyštam" — прош. время, 1 лицо—, а не как „напиштам"), но ведь такой глагольной представки вообще в фарсском, пехлевийском и авестийском языках не имеется вовсе! (О существующей в повелительном наклонении лишь отрицательной представке см. ниже).

Но если термин „писать" и „написать" иранского происхождения, то каким же образом в Иране могла возникнуть представка „na" или „ny" только для глагола „писать"? Или если она не возникла здесь, то почему ее должны были перетащить только для одного глагола „писать"? Трудно придумать для иранских глаголов представку, которая не существует, поэтому бессмысленно было бы считать частицу „ny" или „на" (у автора заметки) каким то специальным исключением для одного глагола „писать". Необходимо согласиться с тем, что эта частица неотделима (в более древних формах означенного глагола) от следующей за нею буквы „v", „f", „b" и „p" и что правильная основная форма первой части глагола „написать" есть именно „nyv"-„nyf"-„niv"-, „neb"-, „nip"-, „nap" и т. д. Если бы частица „ny", „ni", „ne" или „na" была доставлена как глагольная представка в повелит. и неопредел. наклонениях, то она фигурировала бы и в иных глаголах, подобно тому, как отрицательная представка „næ", „nä" (аналог иронскому „næ" или славянскому „nie", „ne") пристегивается ко всем глаголам в повелит. наклонении (но только в повелительном наклонении!), как напр., „na-kon"—не делай, „nä-tärs"—не бойся и т. д. При этом необходимо упомянуть, что отрицательная представка повелительного накл. „nä" происходит от более древней формы, сохранившейся в иронском (осет.) и курдском (турецкий Курдистан) языках, где она фигурирует в виде „ma"-, ибо как в иронском, так и курдском говорят „ma-tærs!", „ma-kæ!", причем в иронском наряду с „ma-kæ!" применяют и более правильную форму „ma-kæn", „ma-kæ" же является лишь ее сокращением. Это более правильное произношение древнейшей формы отрицательной глаг. представки (как сказано, встречается только в повелит. накл.) „ma" еще ныне употребляется изредка в фарсском, ибо наряду с „nä-kon" гово-

рят и „mä-kon“ (ср. с иронским „makan“).

Не спорю с автором, что понятию „писать предшествовало понятие «изображать»”, поэтому то мы и доказывали, что раньше, чем „писать” (иронское „fyššyn“), возникло „снимать „изображение” („nyvišyn“ иронское). Если пишущий сие отрицает наличие основного корня „пис”-, с его предшествующими формами, именно для самого понятия „писать”, то это еще не значит, что отрицается вообще существование корня „pis“-, „pes“-или „bes“-. Такой корень существует наверное почти во всех языках мира с самыми разнообразными значениями, как напр., фарсское „pis“—не чистый, грязный, фарсское „pes“—после(=иронскому „fæš“—по, за и т. д.;) фарсское „pes“ (в „pest“)—низкий, подлый; фарсское и курдское „piš“—пред, до; фарсское „bes“-довольно, хватит и т. д.; фарсское „bes”—в слове „besi“— много, многие, а также и в „besiar“—много многочисленный; пехлевийское „peš“— впереди, спереди, сначала; русское „бес”—дьявол и т. д. Автор безусловно прав в том, что понятия „изображать”, „украшать“ родственны с понятием „писать“, но в то же время он не об'ясняет, почему из приводимых им корней „pis“-, „pés“ и „bes“-(относящихся к понятию „украшение”) не развился глагол „pistän“, „pestän“ или „bestän“, долженствующий бы означать не понятие „украшать“, а именно „писать“?

В фарсском мы имеем не „vyštän“, или „nebeštän“, а только „nyvyštän“ и изредка, более испорченное „nebeštän”; в пехлевийском не „pištan“, а только „nipištan“ и даже в древне-иранском не иначе, как „nipais“!*)

Вообще же, необходимо подчеркнуть, в иранских (как древних, так и новом) языках основа глагола „писать“ встречается не иначе, как в виде „nipiš”-, „nipes“-, „nyvyš“-, „neves“-, „nivis“-, „nebeš“, и частица „ni“-, „ny“-, „ne”-, „ni“- и т. д. является никак неотделимой частью следующей за нею согласной „p“, „v“ или „b“, а это нас опять неизбежно приводит к тому же иронскому „nyv“—изображение, форма, вид, рисунок, план, фотография и т. д.

Приводимые автором заметки корни „pis”-, „pés“- и даже авестийское „paesa(h)” относятся всецело к „украшению“, но не имеем-ли мы здесь случай вторичного образования „украшения” от уже существующего понятия „писать“, подобно тому, как русское „расписывать“=украшать образовалось от „писать“, в котором уже укоренился ложный корень „пис”-? Здесь мы имеем пример тому, что если на заре культурной жизни арийцев из понятия „изображать” народилось, в дальнейшем, понятие „писать”, то уже гораздо позднее из понятия „писать” образуется понятие „украшать” (расписывать). Непонятно, почему автор заметки не допускает, что если у иронов существует издавна понятие „nyvišyn”, то отсюда же с полным научным правом могло образоваться, хотя-бы для самих иронов только, и понятие „писать” в точном его значении? Все данные науки говорят о том, что раньше всего у человека, обладающего зрением, в данном вопросе возникла мысль о самой форме („nyv”!) или виде, а затем уже стремление изобразить ее, „снять” ее. Нельзя, забывать, что со времени образования глагола „nyvišyn” до его деформации в „nyffyššyn” протекло, по всей вероятности, не менее десятка тысяч лет—т.е. времени на образование не только иронской, но и иных форм глагола, должно было хватить с избытком...

Далее автор заметки говорит, что пишущий сие „должен знать, что иронский диалект не самый архаический даже в семье наречий осетинского языка, не говоря уже о других древних арийских языках, как санскрит или авеста”.

Нам, как и многим, известно, что существует один иронский (осетинский) язык и в нем лишь одно наречие, несколько (грамматически и весьма мало в словарном составе) отличающееся от основного иронского языка. Наречием этим говорят западные ироны—дигорцы. Диалектов же мы в иронском языке не знаем, ибо вряд-ли можно назвать „диалектом” даже язык южных иронов (туальцев автора), который, кроме несколько измененной интонации, ничем не отличается от языка северных иронов (не дигорцев).

Что же касается того, что якобы иронский „диалект“, а по нашему основной иронский язык, „не является самым архаическим даже в семье наречий осетинского языка”, мы должны подчеркнуть, что в этом мнении-то и кроется та коренная причина—ошибка, которая вынудила автора заметки полагать, что авторитетными, в смысле приоритета в архаизме, языками

*) См. H. S. Nyberg „Hilfsbuch des pehlevi“.

прежде всего суть санскрит, древне-иранский язык или язык Авесты и т. д... Нужно признать, что вина автора заметки исходит не от него самого, а из тех источников, коими он пользуется и кои же до сих пор поддерживают неправильное убеждение в том, что санскрит и древне-иранские языки являются не только древнейшими в семье арийских языков (вспомним неудачное увлечение санскритом, как „пра-языком" индоевропейской расы), но они же являются родителями самого языка иронов. Это мнение, насчитывающее за собою добрую сотню лет давности, ошибочно и происходит лишь из недостаточной степени изучения или исследования иронского языка. Отсюда же неправильное убеждение, что дигорское наречие древнее самого иронского языка, ибо исследователи исходили до сих пор из более близкого родства дигорского наречия с древне-иранскими языками и поэтому рождалось представление о его архаизме.

Заметим, что как самый спор о „пра-языке", „пра-родине" арийцев (вообще индоевропейцев), так и вопрос об „иранском" происхождении иронов (осетин) стоит на ложном пути: ироны (осетины) в Иране никогда не были! Это можно было бы доказать более точным анализом их языка, эпоса, мифов, этнографии и т. д.

Мнение, что корни (колыбель) „иранских" языков, в том числе и языка иронов, нужно искать в санскрите и древне-иранских языках, повторяем, ошибочно. Еще более ошибочно мнение, что сами ироны являются случайным осколком какого то иранского или германского и т. д. народа, с которыми ироны действительно находятся в родстве. Что это не так, это лучше всех должен знать г. Æsson—, называющий себя „ass"-ом, ибо в этом слове кроется все прошлое иронов, а не только „западных осетин", как говорит он. И не только прошлое иронов, но, во многом, и прошлое индоевропейцев вообще, ибо достаточно было бы углубиться в палеонтологию иронских числительных (счет от одного до десяти), чтобы убедиться, что они являются началом всех вообще „индоевропейских" числительных, а это уже говорит так много, что лучше пока ограничиться сказанным...

Вообще же вопрос об иронском языке представляется, схематически, так:

Нет сомнения, что как иронский язык, так и дигорское его наречие являются одним языком от самого своего корня, но некогда какие-то причины оторвали их, на довольно продолжительное время, друг от друга, но затем обе эти части иронского народа опять об'единились на Сев. Кавказе, где и живут ныне одним народом. Судя по языку дигорцев, они находились где то по соседству с арийскими народами, ныне населяющими Иранское плато, тогда как сами ироны находились где-то далеко от иранцев и поэтому нельзя считать их выходцами из Ирана, как это упорно стараются толковать многие исследователи.

Короче говоря, дигорское наречие есть первою ступенью „иранизации" древнейшего языка восточных арийцев, архаизм которого в наибольшей чистоте сохранился в языке иронов (западных и южных осетин); следующие ступени нужно искать в ущельях Памира, Гиндукуха и Курдистана, не исключая конечно и самого Ирана, где порою всего лишь несколько сот человек, ютящиеся в стороне „от жизни", сохраняют более древние следы иранских языков, чем встречаемые в клинописях, санскрите, Авесте и т. д. В остальном, корни иронского языка раснесены арийцами по всем странам, где расселились „индоевропейцы", хотя при этом сильно, порою, пострадала их внешность (морфологически и граматически), ибо время и жизнь обтирают, шлифуют, а часто, и ломают слова и язык так, как и катимые горными потоками обломки скал на пути скитания меняют свои формы.

Ошибочно также мнение, что слово „ирон" происходит из Ирана. Оно происходит от корня „ir", который вместе с суффиксом „on" образовал „iron"—т. е. „ir-иец", совершенно однозначимое с „ариец", т. к. корни „ir" (или „er") и „ar" суть одно и тоже. Из этого корня ироны выводят название своей родины „Iristan", в обыкновенном, не литературном, произношении „Iriston", где „a" перешло в „o" подобно тому, как в самом Иране тоже „a" изменяется в „u": литературное „zemestan" и „tabestan" в народном произношении—„zamestun" и „tabestun" (зима и лето), также как и „irani" (иранец) = „iruni". Менее правильна форма „Ironistan", часто употребляемая иронами вместо „Iristan". Таким же путем у древних иранцев от их расового названия „ir" или „er" (но правильнее корень „ar", ибо как „ir", так и „er" являются испорченной формой) образовался географический термин „Iran", который, возможно, первоначально звучал как Ir-ran"=страна „Ir"—ов, где „ran"

в прошлом было равнозначимо с иронским „ran“ — место (отсюда и „страна”). Ныне „ran”=„место” можно встретить в Иране уже довольно редко (в дебрях гор), ибо этот термин вытеснен таким же „ran” — „бедро” (сохранился однако в "Тегеран” — столица Ирана, по фарски „Tehran“).

Предполагать, что „as“- ами назывались только западные ироны (дигорцы) также ошибочно, ибо древние соседи иронов — грузины издавна знали и южных и всех северных иронов именно как „as“-ов: „as = „os“ отсюда и „Oseti“—страна „os“-ов. Отсюда же русские стали называть, весьма недавно, их—„осетины”. Существуют и другие данные, доказывающие, что вообще все ироны назывались „as“-ами или „az“-ами (в самом начале). Но не только ироны, но и их родные, по крови и происхождению, братья — чеченцы также некогда назывались „as“-ами (см. находящуюся уже в редакции „С. К.“ статью „О происхождении чеченцев”).*)

Относительно же наличия письменности у иронов в первом тысячелетии по Р. Хр. можно выразить искреннее желание, чтобы г. Æsson более ясно осветил нам этот вопрос, ибо нынешнее, мало исследованное, состояние ассо-ироно-алано-сарматских памятников культурной жизни в Приазовьи и Причерноморьи, не дает еще возможности иметь более связное представление об этом важном вопросе; мы же в первой статье своей не могли коснуться этого вопроса, ибо целью было лишь исследование вопроса о возникновении термина „nyffyššyn, но не дальнейшее его развитие.

Конечно, затронутые нами, выше, вопросы требуют доказательств, фактов, но это уже относится более к практическому способу изложения доводов и, естественно, что в рамках этой статьи им нельзя уделить требуемое место, ибо вопрос чрезвычайно обширен.

*) Окончание указанной статьи печатается ниже—р—ция.

А. Кундух

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕЧЕНЦЕВ

(Окончание)

2. Археология.

Подробное обследование материалов по археологии Чечни не входит, за неимением места, в нашу задачу в настоящей статье, но уже кратчайшее ознакомление с ними может раз‘яснить нам значение и характер археологических памятников Чечни.

Как известно, все пространство так называемой нагорной полосы от Андийского хребта (граница Чечни и Дагестана, иначе называемая „Боковым хребтом“) до верховьев р. Кубани, быть может и Лабы, покрыто своеобразными памятниками культа мертвых, представляющими большой научный интерес. Суть то могильные склепы четырехугольной формы, с выложенными из камня стенами, просветами — окнами (дверей нет), из коих одно бывает такой ширины, чтобы можно было просунуть тело или пролезть человеку. Покрытие склепов представляет пирамиду из нескольких, опоясывающих ее, терассообразных рядов горизонтально уложенных (легкий наклон) каменных плит, по которым, с одной терассы на другую, стекает дождевая вода. Накрытие склепов напоминает, до известной степени, накрытие индийских пагод. Внутри этих склепов помещались тела умерших, расположенные правильными рядами, иногда в несколько ярусов. Тела очевидно, подвергались действию не только горного воздуха, но и птиц хищных (звери по всей вероятности не допускались, иначе скелеты не могли бы так хорошо сохраниться, как мы их видим ныне), очищавших их от мяса, и в этом отношении встречаем здесь аналогию с обрядом погребения зороастрийцев Ирана и Индии, также складывающих своих умерших в „башне молчания“, где птицы очищали (в Индии это совершается и ныне, в Иране же законы с недавнего времени стали бороться с этим обрядом) тела от мяса, скелеты же потом опускаются в специальные ямы — колодцы. Очевидно, что религиозная система кавказских огнепоклонников (!) и иранских некогда была одна и та же — для доказательства этого утверждения существует не мало материалов, привести кои здесь мы не можем—нет места. Следовательно эта же религиозная система господствовала и на всем пространстве указнной нагорной полосы, жители коей бессомнения могли быть только арийцами,—так оно действительно и было, что доказывается научными данными, свидетельствующими о том, что до прихода балкарцев и карачаевцев, на местах их нынешнего поселения, жили ироны (осетины), — это доказывается данными не только археологическими, но и лингвистическими, антропологическими, этнографическими и др. Но те же данные свидетельствуют, что и древнее население Чечни было однородным с иронами.

Кроме могильных склепов, также и другие архитектурные памятники, как-то: башни—жилые и боевые, дома и др. постройки указывают на то, что на всем этом пространстве существовала одна и та же строительная техника и культура, исходящая из одного и того же очага, расположенного тут же, в пределах этой духовно и этнически однообразной, родственной массы.

Можно сожалеть, что исследователи антропо-

логии чеченцев и иронов производили измерения не черепов десятков и сотен поколений их предков, лежащих в этих склепах—музеях, а на живом поколении, в некоторой степени отличающемся от типа своих предков, значительно чистейшего.

Кроме того, можно пожелать, чтобы измерения эти, могущие представить нам картину прошлого состояния типа предков, в будущем производились в „непроходных“, не соединяющих Сев. Кавказ с Южным перевальными дорогами, ущельях, где население менее смешивалось с южными или северными соседями горцев.

Как бы то ни было, можно считать неопровержимым, даже без более подробного, специального анализа, что на всем пространстве от Андийского хребта до верховьев Кубани население представлялось не только этнически однородным, но и обладало одной культурой, одним языком и одной религией. Нынешнее противоречие возникло сравнительно недавно, причем в Чечне оно выражается лишь в разнице их нового языка с господствовавшим прежде. Вопреки мнению многих, если не всех, существующие научные данные позволяют нам утверждать, что нынешние чеченцы не являются элементом „пришлым“ на своей родине, а живут здесь ровно столько же, сколько живут на Кавказе и ироны, т. е. столько времени, что его не помнят и „седые предания“, но наука современем вспомнит и это.

В этом убеждает нас не только антропология чеченцев, но и тот „громадный запас слов общих ингушскому и осетинскому языкам в области материальной культуры“, который „имеет свою аналогию в материалах археологических“, как доказывает цитируемый нами выше автор, там же утверждающий, что наблюдения этнографии и археологии также доказывают наличие длительного общения западных чеченцев (ингушей) с их соседями с запада же. Вопрос об археологии Иристана (Осетии) и Чечни представляет одно целое и всякое стремление к его дроблению будет лишь тормозить выявление истины о едином прошлом этих двух народов.

3. Этнография.

С начала борьбы Шейх-Мансура с русскими войсками на Кавказе, среди чеченцев усилилось влияние Ислама, особенно под действием проповеди тариката, на почве которого так успешно развился кавказский мюридизм. До этого среди чеченцев господствовали адаты, неписанные законы горской жизни, о чем говорят многие авторы, в том числе и Ад. Берже, упоминающий, что даже Шамиль вынужден был считаться с „духом народа, привыкшего к адату“.*) Адаты не были чужды и Дагестану, конечно, но более обстоятельное ознакомление с чеченскими адатами выяснило бы, что и в этом отношении чеченцы тяготеют к горцам, живущим на запад от них, в частности к иронам, очевидно в силу давных родственных связей.

Пережитки некоторых явлений религиозного, „языческого“, как говорят многие исследователи, характера у чеченцев, в действительности часто являются остатками древней религии кавказских арийцев, в которой понятие о Боге выражено было настолько ясно, что вряд-ли уместно говорить о „язычестве“ в его настоящем смысле. Даже такое краткое указание, как напр., встречаемое в этнографических трудах (см. напр. Н. Харузин „Этнография“), говорящее, что у „чеченцев чужеродец приобщается к семейному очагу путем прикосновения к цепи, на которой висит семейный котел“, доказывает нам, что религиозно-бытовые понятие, глубоко пустившие корни в духовные основы чеченского мировоззрения, были одни и те же с иронами, у которых культ домошнего очага (вообще огня!), а также и надочажной цепи (культ „Сафа“), играл весьма значительную роль и многие важные акты религиозно-правового характера разыгривались именно у очага. Еще нынешнему поколению приходилось в детстве не раз выпивать воду, в которую погружали эту священную цепь, ибо старухи аула глубоко верили, что „Сафа“ исцеляет детские болезни, не говоря о других его свойствах.

Для подробного ознакомления с пережитками бывшего (несомненно!) огнепоклонничества у кавкасских арийцев необходимо было бы привести значительный материал, чему здесь не имеем достаточно места, но можно утверждать, что и у чеченцев культ домашнего очага и надочажной цепи играл—отчасти играет и ныне—значительную роль, о чем свидетельствует и предание (см. выше), по которому даже сама легендарная колыбель чеченского народа našæх, нохшех и т. д. приобретает значение „котла или очага, откуда питались их первые родоначальники“. Ниже раз'ясним суть этого предания, пока же ограничимся указанием, что этнография Чечни и Иристана во многих отношениях представляет одно целое, хотя имели место и влияния извне, благодаря коим современные исследователи, как и прошлого века, были вводимы в заблуждение и им представлялось, что в лице чеченцев и иронов они имеют два разных, почти ничего общего не имеющих, народа. Эта ошибка и была причиной „загадочности“ чеченцев.

4. Лингвистика.

По Услару, чеченский язык сходен с лезгинским. По иным данным, „язык чеченцев, грамматически обработанный Шифнером, совершенно оригинального построения и не имеет родственных отношений к другим кавказским языкам“. По выводам же акад. Н. Я. Марра, он относится к языкам яфетического корня, что видно из приводимой нами цитаты (см. у Полежаева), по которой „народ „нохчий“ одного корня с грузинским, но уже в глубокую древность оторвался от своих единоплеменников“. Наряду со всем этим, приводимые выдержки из труда А. Н. Генко свидетельствуют о связях языка западных чеченцев (понимай—вообще чеченцев) с иронским языком.

В чем же секрет этих столь противоречивых мнений?

Не будем утруждать читателя стремлением „для красоты слога и созвучия“ к бессмысленному сравнению чеченского народного названия с... „нехчу“ — сыр, а тем более с Нахичеванью — правильное (научно) произношение коего звучит, кстати, „Нехджеван“ — из коего чья-то фантазия попыталась вывести „родоначальника чеченского народа“, одновременно происходящего также и из Шама (Сирии)! При этом оказывается, что пришельцы эти принесли с собою и сказочные шапки-невидимки, ибо „о пришельцах долго никто из соседей не знал“. Чеченцы же так долго скрывались под этими чудесными шапками, пока... случайно не потеряли их... Более серьезной оценки эти сказки не заслуживают.

Еще меньше можно говорить о происхождении

---

*) Выясняется, что Имам Шамиль не считал Шариат, чем то незыблемым. Школа кавказских тарикатистов к слепому толкованию буквы религии относилась довольно критически, сознательно, как этого, собственно, требует и Коран.

чеченцев от того или иного „князя" и притом, заметим, обязательно иноземного! Дошло до того, что на сцене появился даже „знатный грек", также, как и „сирийский богатырь", являющийся родоначальником чеченцев (ингушей).

Народу, у которого отсутствует литература, ничего обыкновенного не остается, как искать и выводить затерянные следы своего прошлого (предков) от того или иного „богатыря" (обязательно!), „знатного грека" или „князя", „хана" и т. п. Психологически явление это всегда почти соответсвует, так сказать, „духу времени": при монархическо-феодальном строе каждому интересно быть „князем, ханом, беком" или хотя бы „знатным греком", точно также, как в настоящее время каждый гражданин СССР старается доказать обратное — свое „пролетарское" происхождение, ибо ныне... оно в почете.

Оставив в стороне эти возникающие в минуты скуки „домашние концепции", обратимся к более научной оценке имеющегося материала:

В приводимых А. Н. Генко материалах обнаруживается одна важная подробность: вспоминаемое почти всеми авторами национальное название чеченского народа „næxčæuo", næxčuoj", „noxči" и т. д., при дальнейшем исследовании приобретает, оказывается, свою давнюю, более правильную форму „n æ š æ x или „n æ š æ c h" (в нашей транскрипции)*), как называется „колыбель чеченского народа", а отсюда, и связанное с ним „нашаховский язык" или „нашаховский народ". Важнее всего то, что здесь уже чеченский народ выводится не из „Нахичевани", „Шама" и т. п., а так, как оно и следует быть,—из лона самого чеченского народа и его родины, из „у р о ч и щ а „n æ š æ c h" в верховьях р. Гехи". Совершенно прав А. Н. Генко, по мнению коего „самое национальное название чеченцев естественнее всего производить отсюда (n æ š x u o — n æ x č u o)".

При помощи современного, называемого нами „новочеченским", языка чеченцев трудно расшифровать смысл и значение этого названия. Иное, если призовем на помощь древний язык чеченцев—современный иронский.

Термин n æ š æ c h является сложным из личного местоимения „n æ" (наш) и существительного „š æ c h" (община, особо связанная между собою часть населенного пункта). Отсюда же в народном произношении иронов оно звучит как „š y c h (æ переходит в y, что часто наблюдается в иронском языке). Из него же производится и „š y c h a g" — сосед, но этот же корень образовал и „š æ c h æ r" — город, иронско — иранское название крупных населенных пунктов (в иранском (фарсском) более точно—š æ h r").

В точном переводе, на иронском языке „n æ š æ c h" означает „наша община", из чего явствует, что слово это некогда было неменее родным для чеченцев, чем и для иронов. По цепи постепенного изменения n æ š æ c h в n o š c h o j — n o c h š e c h — n o c h č o j — n o c h č e и т. д., мы можем проследить все этапы отрывания и отдаления чеченцев от языка, на котором говорили их предки. По этим этапам можно судить, как в памяти народа (не располагавшего литературой) постепенно затиралось истинное значение названия их главной общины, вокруг которой очевидно сосредоточивалась вся жизнь чеченцев после того, как некие исторические события оторвали их от остальной массы кавказских арийцев.

Эти события должны были вызвать не только сокращение численности чеченцев, но и уменьшение территории, в особенности в плоскостной Чечне, причем, судя по всему, чеченцы подпали под сильно проявленную политическую зависимость и влияние кого то из своих соседей с востока (Дагестан). Соседи эти, в силу политических условий, навязали чеченцам и свой язык, на несколько исковерканном (смешение!) виде которого чеченцы говорят ныне.

Но термин „n æ š æ c h" попутно выясняет нам столь же интересное значение и другого, до некоторой степени аналогичного термина—названия легендарных предков иронского народа, н а р т о в. Как известно, предания о нартах существуют ныне почти у всех горских народов, но в наибольшей чистоте они сохранились у иронов, для которых предания эти должны сыграть такую же роль, как и Шах-Намэ для Ирана, ибо в них, в несколько мифической уже форме, скрывается древнейшая история иронов (и чеченцев), что можно было бы выяснить старательным анализом их содержания. Науке, в свою очередь, уже известно, что сказания о нартах по существу суть арийского происхождения, и это убеждение укрепляет еще более мнение о том, что в этих сказаниях кроется древнейшая история кавказских арийцев.

Помимо названия легендарной колыбели чеченцев, в термине „n ae š ae ch" мы встречаем и другое, более символизированное, значение, сохранившееся в душе и памяти чеченского народа, по которому „n ae š ae c h" — это „котел или очаг, откуда питались их первые родоначальники". В этом свидетельстве мы видим пережиточное воспоминание о тех временах, когда роды или меньшие общины предков чеченцев, также и иронов в свое время (весьма недавно еще), об'единялись вокруг одного общинного (š æ c h!) очага, подобно тому, как еще на нашей памяти в родовом быту очаг главного, старшего, в роде играл роль об'единителя всего рода. Роды единились в общины, общины в „племя", но все это подчинялось религиозному обряду (порядку) почитания огня-очага, об'единителя и своеобразного блюстителя духовных, моральных и социальных основ жизни кавказских арийцев, несомненных чтителей Солнца (огня) и Воды — двух главных элементов жизни природы. Это подтвердилось бы и анализом материала, имеющегося не только в научной литературе, но и в языке, обычаях, преданиях и древне-религиозных обрядах иронов, отчасти и чеченцев.

Термин „n a r t", в буквальном переводе, на языке иронов означает „наш огонь", „наш очаг" и в этом смысле он тождествен толкованию чеченцев, по которому „n æ š æ c h" = очагу, или, переносно, „котлу, откуда питалась вся община (родоначальники)". Следовательно, как чеченцы, так и ироны сохранили память о священных в свое время общинных или племенных очагах, в древности об'единявших их массы*). Отсюда же у иронов память о том, что их предки были „нартами-богатырями". Здесь мы наблюдаем точную аналогию: у чеченцев „n æ š æ c h" — наша об-

*) У советских авторов сохраняется „x", почему то оставленное в латинизированных горских алфавитах из греко-русского алфавита. В дальнейшем нами будет применяться „ch" немецко-польско-чешское, чтобы избежать смешения различных алфавитов.

*) Зороастровская община в Тегеране, как и в других местностях, об'единяется и в наши дни еще вокруг одного, священного, общинного очага, где поддерживается неугасаемый, вечный огонь.

щина, наш очаг; у иронов же (но у чеченцев также, хотя и в менее ясной уже форме, ибо древний язык почти не действует) „n a r t“ = наш очаг; поэтому то „нашаховцы“, предки чеченцев, — члены одной общины, одного, ныне символического, племенного очага, „нартовцы“ же — предки иронов (как и чеченцев) также члены одного племенного очага. „A r t“ и „š æ c h“ — понятия, вокруг которых сосредоточивалась вся духовная и социальная укладка психики иронов и чеченцев. Совершенно естественно, что огонь-очаг, символически связанный с солнцем, в то время играл огромную роль и мало по малу религиозная система переплелась с социальным укладом жизни так тесно, что отделить их было уже невозможно. Но на смену явились другие воздействия извне, политические, для кавказских арийцев весьма печальные по последствиям, и ныне мы видим не только новую религию и новый, еще не стабилизованный, язык у чеченцев, но и смесь трех религий у иронов, сохранивших однако тот самый язык, на котором предки чеченцев и иронов говорили десять тысяч лет тому назад, если не больше.

Характерно, как, по одному из преданий, от 12 сыновей „богатыря Нохче“ образовалось 12 же общин нашего времени. И здесь мы имеем случай аллегорического толкования факта последовавшегося размножения чеченского народа: из одной общины „n æ š æ c h“ с течением времени образовалось целых двенадцать. Образуйся еще-три общины — и у „богатыря Нохче“ оказалось бы... 15 сыновей!... Бесписьменная народная фантазия не может иным способом фиксировать различные события в жизни народа. Через век — два, каждое крупное событие облекается в нарядные одежды легенды или сказания. Задачею научного исследования является освобождение основного скелета вопроса от одежды, наброшенной на него временем.

Говоря „я н о х ч и“, чеченец подразумевал „я сын народа“, „я член народа“, точно также, как и раньше бывало говорил „я n æ š æ c h“, т.е. „я член нашей общины“ (племени). Эта необходимость вытекала, вероятно, ввиду соседства (на востоке) каких то инородных масс, с которыми чеченцы мало вступали в родственные связи, как это доказывается их антропологическим типом, но которым, несомненно, были сильно подчинены политически, что заставило их воспринять, даже против воли, чужой язык, смешавшийся с их прежним, родным (арийским) языком. Этим об'ясняются те особенности чеченского языка, которые одних авторов принуждают считать его „родственным лезгинскому“, других „неимеющим родственных связей с другими кавказскими языками“, а третьих „яфетическим, одного корня с грузинским“. На самом же деле перед нами язык, древнейшая, сильно спрессованная и смешанная часть которого является остатком арийского, на котором механически нагроможден и перемешан значительной массой новый материал, воспринятый у кого то, но у кого именно — это требует еще дальнейшего исследования. Не можем согласиться с мнением А. Н. Генко, что чеченцы (западные) почти весь приводимый им материал брали у иронов. Конечно, заимствования неизбежны, но характер существующих между чеченцами и иронами связей таков, что всего этого колоссального груза (антропология, археология, языковедение и т.д.) нельзя было перетащить к чеченцам никакими силами. Наоборот, он (груз) находился в лоне самого народа и здесь подвергался тем изменениям, которые происходили уже после разделения народа на две части: ироны по левому берегу Терека и чеченцы по правому.

Выше нами приведен (из А. Н. Генко) термин „эрзий“ (ärzij), по ингушски значущий „орел“, у чеченцев же (по Услару) орел „e r z æ v“, по нашим же сведениям орел „ä r z ü“ (по чеченски). Названный автор говорит: „В „ä r z i j“ мы имеем, по всей вероятности, старое иранское слово, характерным образом не представленное в современном осетинском языке“. В дальнейшем автор приводит название орла на многих иранских и кавкасских языках, в которых присутствует один и тот же корень, который имеем в чеченско-ингушском наименовании орла. С своей стороны добавим, что и такой авторитетный ученый, как О. Шредер, допустил ту же ошибку: приводя название орла на немецком — „a a r“, древверх-нем. — „a r o“, старославянском — „о р ы л ь“, греч. — „o r n i s“, он совершенно умалчивает об иронском названии орла — „u a r i“, а между тем в нем присутствует тот же самый корень, который с небольшими фонетическими изменениями находим во всех упоминаемых как Генко, так и Шрадером названиях орла на разных арийских языках.

Как видим, заключение Генко о том, что это слово „характерным образом не представлено в современном осетинском языке“ — ничем не обосновано, этот же пример показывает нам, как мало исследованы горские языки. Что же касается Шрадера, то в его труде „Индогерманцы“ иронский язык обойден полным молчанием, хотя все остальные языки арийские (словари) подверглись тут сравнению. Так представляется степень исследованности иронского языка, без которого нельзя иметь полного представления и о чеченском языке.

О характере связи чеченского и иронского языков, помимо имеющихся на лицо массовых, не требующих специального доказательства, случаев, можно составить некоторое понятие по следующему примеру:

Имеются два родственных чеченских глагола: „h a s t ä r“ — ласкать и „h a s t ä u ä r“ — хвалить. Отбросив в последнем чеченское глагольное окончание „ä r“, вставим иронское глагольное окончание „y n“ и получим „h a s t ä u - y n“, как генетически, так семантически и фонетически тождественное с иронским „ä s t a u - y n“— хвалить, другие формы коего „s t a u - y n“, являющаяся более древней формой, и „y s t a u - y n“, причем последняя чаще встречается в так назыв. народном произношении (ä переходит в y). „H“, находящееся в начале чеченского глагола, навеяно утерею старой более чистой формы прежнего языка и существенной роли не играет. Но „хвалить“ и „ласкать“—значение родственное, поэтому и в „h-a s t-ä r“ — ласкать, мы имеем один и тот же корень „ä s t“, встречаемый как в чеченском „h - a s t - ä u - ä r“—хвалить, так и в иронском „ä s t - a u-y n“=хвалить. Первичный остов этого же корня мы имеем в фарсском „s t a i - i š“ — похвала (произносится „s e t a i - i š“), „s t u d e n“ — хвалить (произносится „s e t u d e n“), „m i - s t - a i - i e n d“ — хвалят и т. д. Здесь он фигурирует, как и в иронском „s t - a u - y n“, в виде „s t“.

5. История и география.

У древних авторов, главным образом Птоломея и руководившегося его данными Мойсея Хоренского, весь Сев. Кавказ представлен в виде своеобразного государства сарматов, в отличие от своих более северно расположенных собратьев-сарматов же „европейских“, называемых сар-

матами „азиатскими". Границами „Сарматии Азиатской" служили (см. карту к „Географии" М. Хоренского, изд. типогр. Св. Лазаря в Венеции): на севере рр. Дон и Волга и побережье Азовского моря; на западе—берег Черного моря до устья р. Ингур; на юге — нижнее течение р. Ингур, дальше линия границы проходит по нынешней Сванетии, отсюда по Главному Кавк. хребту спускается к Апшеронскому полуострову. На востоке — от Апшеронского полуострова по запад. берегу Каспийского моря до устья Волги.

По этой карте, основанной на данных Птоломея и др. авторов, на территории нынешней плоскостной Чечни указаны живущими „сарматы сасонские" или „сасанские" (карта издана на армянском языке мхитаристами). В этом названии мы встречаем древнейшее географическое наименование территории чеченцев „сасан", в действительности же „цæцæн" (в лат. транскрипции „cæcæn"), как издревле эту местность называют ироны, древнейшие аборигены Сев. Кавказа, коим лучше всех была известна география Сев. Кавказа. И ныне ироны чеченцев называют „cæcænag" или „cæcæjnag", что обозначает „чеченец" — житель Чечни, т. е. страны „Cæcæn". Отсюда и выясняется, что „сарматы сасанские" — это „сарматы чеченские" в нынешнем — русском — произношении, т. е., проще, „сарматы, живущие в Чечне".

Судя по всему, государство северо-кавкасских сарматов представляло из себя нечто вроде федерации, ибо в нее составными частями входили как все адыгейцы, до абхазцев включительно, так и нагорное население Дагестана, тогда как сами сарматы в силу своего численного превосходства, занимали всю центральную зону северного склона Главного хребта, местами проникая и на южный склон, а кроме того и все подгорные и степные пространства от р. Кубани до берегов Каспия и от гор, на север, до рр. Дона и Волги.

Часть огромного тогда сарматского народа населяла, как сказано, и местность „cæcæn"; эта же часть очевидно и была теми арийскими предками нынешних чеченцев, от которых и сохранились нам всякого рода памятники их древнего бытия, неразрывно связанные с нынешним чеченским народом.

О сущности сарматов не имеем здесь возможности распространяться, ибо вопрос о их прошлом безгранично обширен, история их весьма продолжительна, охватывая собою пространства от Дуная до Аральского моря и до Главного Кавк. хребта. Но и территории древнего Рима и Балканы помнят о войнах или мире с ними, о чем свидетельствует археология и лингвистика.

Сарматы — это те же аланы, научный материал о которых значителен, но требует специального исследования и укладки в более стройную систему. Во всяком случае, все научные выводы и данные доказывают, что сарматы-аланы суть „иранцами" (этот термин употребляем пока условно) или „иранским населением" необ'ятных придунайских, придонских и приволжских степных пространств. „Специальное родство сарматского языка с осетинским установлено научным разбором древних надписей Пантикапеи, Тираса, Ольвия и Танаиды. Это „специальное родство" есть ничем иным, как доказательством единства языка сарматов с языком иронов. Но материалы, доказывающие положительность утверждения, так обширны, что едва-ли бы хватило всех страниц этого журнала даже в течение 2 — 3 лет.

* * *

Все вышесказанное можно выразить так: чеченцы и ироны — это все, что осталось от некогда весьма сильного и многочисленного народа аланов, или, как их иначе называли, — сарматов. Удары вернувшихся из Скандинавии готов, лавиной устремившихся из глубин Средней Азии хуннов, шедших с севера русских, затем нашествие татар и, наконец, опять русских, уничтожили их былое могущество. Падение их продолжалось целых две тысячи лет до наших дней, а ныне пред их последними остатками стоит вопрос: жить или не жить? Выбор зависит от их доброй воли и культурной сознательности, к жертвам же они привыкли, как к родной стихии.

Но что заставило сарматско-аланское население Чечни с'ежиться в „легендарной колыбели", очаге, «naš æch»" откуда они опять распространились по бывшей родине, но уже... с новым языком?

Несмотря на то, что татарским полководцам Джебе и Сабутаю удалось победоносно пройти в 1224 в. через земли аланов, разбив, вследствие измены половцев, соединенные силы аланов и адыгейцев, все же аланы сохранили в себе столько силы, что еще в течение 50 лет отказывались подчиниться татарам, что заставило их Хана Мангу Тимура двинуть для их покорения в 1277 г. соединенные дружины русских князей Глеба Белозерского, Андрея Городецкого (сын Александра Невского), Федора Ярославского и Бориса Ростовского. Эти русские дружины и нанесли аланам тот последний жестокий удар, от которого остатки их не смогли оправиться даже в течение нескольких сот лет. От ужасного разгрома спаслось лишь то, главным образом женщины и дети, что могло уцепиться на голых утесах горы Казбека—Урс Хоха. После разгрома алан, русские дружины прошли и далее на юг, заняли там Дербент, и, захватив несметную добычу, вернулись к своему повелителю, Мангу Тимуру, который, как пишет Карамзин, одарил их не только „великою хвалою, но и богатыми дарами".

Возможно, что этот именно удар и бросил остатки цацанских алан под влияние и политическое господство соседнего дагестанского народа, если только этого не случилось уже при приходе аваров в Кавкасские горы.

И так, чеченцы, антропологически являющиеся одним из наиболее чисто сохранившихся членов арийской („индоевропейской") „семьи народов", суть аланы, они же сарматы, но с новым, недавно сформировавшимся языком, в котором в значительной мере сохранились остатки их прежнего родного языка. Усилия исследователей чеченского и иронского прошлого, должны быть направлены по одной колее, без чего невозможно вытащить чеченский вопрос из того темного угла, в который загнали его ошибочные фантазии и мнения различных авторов.

О девушке, которая оказалась хитрее судьи

ЧЕЧЕНСКАЯ СКАЗКА

Сказка записана в 1934 году чеченским поэтом С. Бадуевым в Шали

Жил-был бедняк. Понадобилось как-то ему по делу с'ездить. Оседлал он свою единственную кобыленку и тронулся в дальний путь. Едет-едет, уже вечер—он устал и лошадь устала. Думает — где бы переночевать?

Видит — среди поля фургон стоит. Под'ехал, поздоровался. Оказывается, купец едет с товаром, ночь в пути его застала, вот он и заночевал под открытым небом. Ну, перекусили оба, чем пришлось, и легли спать.

Среди ночи кобыленка бедняка возьми да и разродись жеребенком. Жеребеночек от холода забрался под фургон купца и лежит. Утром бедняк просыпается и видит: жеребенок! На радости будит купца, показывает:

— Смотри, моя-то кобыла что принесла!

Купец посмотрел, почесался и говорит:

— Ты думаешь кобыла?

— А кто же еще?

Тогда купец усмехнулся и говорит:

— Клянусь Аллахом, это не кобыла, а мой фургон родил жеребенка!

Заспорили. А купец даже и спорить не хочет.

— Коли не веришь, — говорит, — едем к судье. Он тебе докажет, что моя правда.

Приехали они к соседнему кади*). Тот выслушал обоих, погладил седую бороду и хмыкнул:

— Трудно сказать, кто из вас прав! Вы вот лучше что. Идите и принесите мне—самое жирное, что есть в мире, самое красивое и самое быстрое, в чем бы оно не заключалось. Идите и кто все это принесет, тому и достанется жеребенок.

Ушел бедняк от судьи в горестном раздумьи. Где там ему все достать, о чем кади наговорил! Приходит домой, пригорюнившись. Дочка подает похлебку на ужин и спрашивает:

— Ты что, отец, печален? Какая беда приключилась? Может, я помогу?

Рассказал отец дочери, как вышел у них с купцом спор за жеребенка и что требует принести кади, чтобы на его стороне правда оказалась. Дочь подумала, подумала и улыбнулась:

— Знаю, отец, как горю твоему помочь!

И дала ему совет, с чем к судье итти.

На утро являются к судье оба — бедняк и купец. Бедняк — с голыми руками, а купец привел жирного-прежирного барана, красивую девушку и кровного скакуна. Баран блеет: бэ-э! бэ-э! Девушка судье улыбается, а конь стоит, ногами подрагивает — так и хочется ему скакать! Кади сидит довольный, кивает купцу. Потом обернулся к бедняку и сухо спрашивает:

— Ну, а ты что принес?

Отвечает бедняк:

— О, кади! Ничего не принес. Как я мог принести самое жирное, если это — осень с ее плодородием! Как я мог принести самое красивое, если это—цветущая весна? И как можно принести самое быстрое, если это — мысль, обгоняющая любого скакуна?

Нахмурился кади, бороду свою дергает. Ловко ответил бедняк! Не признай мудрости его слов, еще глупцом обзовут. Скрепя сердце, кади сказал:

— Ответ твой правилен, но, кажется мне, не твоего он ума. Скажи, кто тебя научил так отвечать?

И тогда бедняк, по простодушию своему, признался, что так отвечать посоветовала дочь.

— Ага! — говорит кади. Ты нарушил наш уговор, прибегнул к посторонней помощи. Поэтому не получишь жеребенка, пока не выполнишь еще одного условия. Пускай-ка твоя дочь, если она такая умница, придет ко мне с чем-нибудь и без ничего! Ты понял? С чем-нибудь и без ничего! И еще скажи, чтоб не шла она по дороге и мимо дороги, а все-таки ко мне обязательно пришла. Иди и передай это дочери. Сумеет притти, получишь жеребенка...

И кади улыбнулся удачной своей загадке. Купец тоже засмеялся — быть ему с жеребенком!

Идет бедняк, пригорюнился. Как быть? Разве можно притти с чем-нибудь и без ничего, не по дороге и не мимо дороги? Пропал жеребенок!

Пришел домой, дочь подает на обед кукурузную лепешку и спрашивает:

*) Кади — судья.

— Почему печален? Не отдали жеребенка?

Бедняк передал, чего требует кади. Дочь подумала, подумала и говорит:

— Ладно, попытаюсь к нему сходить.

И попросила отца поймать ей воробья.

На другое утро собралась она и пошла к судье. Пройдет десять шагов по дороге, свернет в сторону, пройдет сбоку десять шагов и снова на дорогу. Так пришла она к дому кади. Вошла в кунацкую, раскрыла руку, в которой держала воробья, он выпорхнул в открытую дверь.

Кади вышел ей навстречу, спрашивает:

— Ну, как пришла?

Она рассказывает, что шла и по дороге и не по дороге, шла мимо дороги и не мимо дороги.

— А что принесла?

— Да воробья хотела принести, а он улетел. Выходит, что без ничего пришла.

Кади не выдержал:

— И кто только тебя уму-разуму учил? Может, тебя чем-нибудь особенным кормили?

Девушка стоит, улыбается:

— Люди выбрасывали золу за аул. Мой отец в этой золе рыбу ловил и меня ею кормил...

Кади рассердился:

— Ну, кто поверит, будто в золе рыба водится!

Девушка рассмеялась:

— Почему не поверить? Ведь ты же поверил, что жеребенок от фургона родился?

И, взяв жеребеночка, она ушла, оставив кади созерцать собственную алчность и глупость.

перевод **В. Дробашева.** („Грозн. раб").

Агач-Кумуз*)

В рабочих клубах, на промыслах, в совхозах и колхозах почти стихийно возникают музыкальные кружки, вырастают в оркестры, которые спешно вооружаются потом музыкальными инструментами, имеющимися на прилавках наших магазинов. В большинстве случаев это мандолина и балалайка, но ни одного дагестанского национального музыкального инструмента наша местная промышленность не умеет изготовить, а торгующие организации, не понимая политического и культурного значения торговли подобными товарами, не пред'являют промышленности своих требований. И поэтому национальные кружки и оркестры лишены возможности играть на своих, близких им, инструментах и совершенствовать их.

Наиболее распространенными в Дагестане музыкальными инструментами являются два типа агач-кумуз (горская балалайка).

Аварский агач-кумуз, имеющий распространение в нагорном Дагестане, обладает более архаической структурой. Две жильных струны, невысокая подставка, небольшое количество ладов, дающих звуки, выходящие за пределы европейской системы звукорасположения, дают, так называемые, нейтральные интервалы. Этот минорный звукоряд как нельзя более соответствует старинной аварской песне, на которой лежит печать героического прошлого этого народа.

Агач-кумуз второго типа — даргинский, первоначально распространившийся из Ходжал-Махи— уже более усовершенствованный вид. У него больше ладов и струн. Реконструкция даргинского агач-кумуза проведена уже в наши дни Насухом Абусаламовым и дает, при сохранении национальной формы инструмента, значительно больший диапазон, позволяющий начинать песню в любом тоне.

Здесь мы уже имеем звук, в точности совпадающий с фортепиано. Этот инструмент уже дает возможность играть в мажорном и минорном ладу с любого тона: он дает сильный и ясный звук и может быть включен в оркестр (очень важное качество, на нем можно играть любую вещь из мировой музыкальной литературы.)

Обладая этими свойствами и сохраняя национальную форму, инструмент раскрывает широкие возможности для применения его и дальнейшего совершенствования.

Из смычковых национальных инструментов в Дагестане распространен чагана (горская скрипка). Этот инструмент, в таком виде, как он есть сейчас, дает слабую звучность, а отсутствие боковых вырезов вынуждает одновременно задевать несколько струн. Если сделать боковые вырезы, то получится европейская скрипка архаической формы, которую не надо было бы изобретать в наши дни, ибо уже в XVII и XVIII веках (Амати, Страдивариус, Гварнери) дали непревзойденные образцы этого инструмента.

Дагестанский национальный ансамбль, совершенствуя чагана, пошел по другому пути. Уже готов инструмент, который имеет вместо нижней деки медный таз, отчего звук инструмента сильно увеличился. Верхняя дека, вместо кожи, изготовлена из дерева, а подставка сильно закруглена, из-за чего уменьшилась необходимость задевания соседних струн.

Зато особый интерес приобретает реконструкция духовых инструментов, проведенная уже частично ансаблем. Здесь совершенствование и переделка вытекали из существа национального музыкального фольклора.

В хоровом пении горцев иногда один певец полностью ведет мелодию, а хор

---

*) Настоящая статья взята нами из ном. „Даг. правды" от 18-V т. г. Особенный интерес в сегоднешних условиях представляет в ней вступительная часть, где автор жалуется, что „наши магазины", „не понимая политического и культурного значения торговли" национальными инструментами, снабжают горского покупателя „мандолинам и балалайками".

поет все время на одной ноте. Казалось бы, что такой метод расположения голосов уместен и в оркестре. Но практика (выступление струнных колхозных кружков на автодорожном с'езде) показывает обратное: струнные оркестры (балалайки) играли в униссон, так как им не хватало инструмента с низкой звучностью, способного выпукло дать выдержанный бас.

С этой целью национальный ансамбль ввел в оркестр зурну, увеличенную в два раза. Увеличение корпуса в два раза, естественно, вдвое понизило регистр (перенеся его впервые в малую октаву). Для уменьшения резкости, свойственной зурне, заменен мундштук: перенесли мундштук с ясли-балабана.

Такой же опыт проделали с южно-дагестанской свистковой флейтой (киши), давший благоприятные результаты.

Конечно, все эти изменения возможны лишь в весьма осторожной форме и пропорции.

Г. А. Гасанов.

О „протестах", печатаемых в журнале „Кавказ"

Журнал „Кавказ" продолжает свою кампанию „протестов": в июньском номере напечатана очередная их серия. О методах составления „протестов" информируют нас нижеследующие письма:

I

Карс

Г-ну редактору журнала „Кавказ"

Протест, который был помещен в № 10—11 Вашего журнала из Карса, стал нам известен и мы заявляем, что он не был составлен при нашем участии и неправилен, о чем говорят следующие пункты:

1— Некоторых из этих людей, которых Вы перечисляете в протесте, нет не только в этом районе, но они не находятся даже в пределах Турецкой республики.

2— Некоторые—присутствующие (в районе)— не понимают значения слов „конфедерация", „федерация" и „протест".

3— Некоторые же вообще не являются людьми, занимающимися такими делами, и им никогда не приходило в голову оставить свои ремесла и заняться политикой.

4— Почему на том, что печатается в Вашем журнале нет подписи, даты и номера...

5— Чтобы и впредь не повторялись никому не ведомые операции и не подделывались наши подписи у Вас и чтобы не приписывались нам дела, которыми мы не занимаемся, с большим уважением требуем вторично исправить данный вопрос.

Написал: Сулейман из Читтури.

Требующие написания, пребывающие в Карсе: Хаджи; Хаджи Бутта; Магомет; Курбан; Юнус; Магомет из Кази-Кумуха; Магомет из Ботлиха; Эмин из Ахты; Хасан из Анди.

(Вышеприведенное письмо прислано нам для препровождения в редакцию ж. „Кавказ" и, в копии, для напечатания в нашем журнале. При переводе — письмо написано по-турецки дагестанцем, слабо владеющим этим языком, — пункт 4-ый не был для нас в достаточной степени понятен).

II

Председателю Азербайджанского Национального Центра и лидеру Азерб. Н. Партии „Мусават" глубокоуважаемому Мехмед Эмин бею:

Прибывшие на днях сюда из Парижа Мохсин Селимов и Мир Таги Мир Бабаев вместе со своим здешним компанионом Юсуф Алием составили никому не известное письмо, под которым, среди других обманутых, оказалась и моя подпись. Те, которые подписались, не зная содержания письма, как только узнали в чем дело, потребовали обратно свои подписи, среди которых и я взял свою подпись назад.

Но, так как не верю, чтобы они зачеркнули мою подпись, я вынужден был написать это письмо.

Как отметил выше, повторяю еще раз, что почти никто из подписавшихся не знал содержания письма, так как они собирали подписи на отдельном блок-ноте „на благотворительное дело". Подобно нам, очень возможно, что и другие „бамматовцы" также были обмануты и не знают в чью пользу работают... Честно работающие патриоты для освобождения родины должны об'единиться вокруг создателей Совета Кавказской Конфедерации. Те, которые устраивают интриги против создателей Кавк. Конфедерации, по нашему мнению, являются или заблужденными или-же врагами. Протестуя против тех, которые работают в пользу наших врагов, в то же время со всей своей искренностью заявляю, что Вы — наш любимый и незаменимый лидер.

Тегеран 27 Мая 1935

Феридун Али-Паша оглу Зейнал-заде.

III

Незаменимому вождю азербайджанского национального движения и лидеру Азерб. Н. Партии „Мусават" глубокоуважаемому Мехмед Эмин бею:

Я абсолютно никакого сведения не имею о письме, написанном Юсуф Али беем и отправленном Баммату. Не занимаясь политикой, в то же время не являюсь оппозиционером ни Вам и ни тем, которые сотрудничают с Вами. Как всех других подписавших, так и меня хотели надуть и взять мою подпись, но я отказался. После этого отказа, кто-то за меня по русски написал и мою подпись. Всем известно, что я во всех торговых бумагах подписываюсь арабскими буквами по тюркски, точно так, как в этом письме, (письмо написано по тюркски арабскими буквами — ред.).

Тегеран 30 мая 1935 г.

Зейналабдин Гёзелоглу.

IV

В редакцию уважаемого журнала „Куртулуш":

Господин Редактор!

По полученным мною сведениям Юсуф Алием и Мохсином Селимовым составлено письмо

для напечатания в журнале „Кавказ". Все подписи, находящиеся под этим письмом, собраны либо путем обмана, либо же без ведома тех, подписи которых находятся под письмом. После выяснения вопроса, все набросились на фальсификаторов и опозорили их. Увидев этот скандал, они дали слово не напечатать (письмо), но мы не верим этому обещанию.

Заявляю этим, что я никогда не чувствовал себя связанным с этими людьми и до самой смерти останусь вместе с теми борцами за национальное дело, во главе которых стоит Эминбей.

Прошу принять мое искреннее уважение и почтение

Али Дадашев.

Тегеран, 31 мая 1935 г.

V

Председателю Азербайджанского Центра и партии „Мусават" Расул-заде Мехмед Эмин-бею:

Несколько дней тому назад, во время еды в одной кофейне, встретился с М. Селимовым, который завел разговор по своему личному вопросу и попросил подписать одну бумагу о том, что я его знаю издавна. Потом, когда я узнал, что это письмо было политического характера, я обратился к нему и потребовал свою подпись обратно, во время которого (разговора) мы поссорились и разошлись.

Я и пять моих молодых сыновей, кроме партии „Мусават" и Национальной организации, которые под Вашим руководством работают за освобождение Азербайджана, никакой другой партии и организации не признаем, и по сей день мы активно боролись с нашими противниками и в будущем готовы продолжать борьбу.

Усейн-Бала Кафаг-заде.

Тегеран, 28 Мая 1935 г.

VI

Председателю Азербайджанского Национального Центра Расул-заде Мехмед Эмин-бею:

Первым долгом селам!

Я, в течении последних пяти месяцев был в Мазандаране. 9-го мая вернулся в Тегеран. Ничего мне не было известно. Из друзей то-же никого не успел еще видеть Если-бы встретился с ними, я не был-бы так обманутым. На другой день после моего приезда меня посетил Юсуф Али и сейчас-же вынул одну бумагу и сказал: „Скорее подпиши". Я хотел читать бумагу, но он не дал мне возможность и добавил:

— „Я тебе об'ясню. Дело в следующем: дагестанцы в Париже, раньше работающие с нами, теперь начали работать на большевиков".

Так-как Юсуф Али-бея я хорошо знал, поверил ему и подписал письмо. Потом я встретил Гаджи-заде, который—вот 30 лет — близкий друг Юсуф Алия. Он тоже не знал содержание письма, хотя подписал. На этой почве они поссорились с Юсуф Алием и, не смотря на 30 летнюю дружбу, стали врагами. Ахмед-Али Гаджи-заде сказал Юсуф Алию, что:

— „Вы хотите заменить Эмин-бея другим? Кто второй Эмин-бей? Укажи!"

Через несколько дней встретил из приятелей Эждер-бея. Первый вопрос, который им мне задан был: „Юсуф Али-бей дал Вам на подпись бумагу?" Я ответил утвердительно и спросил: „Вы бы не подписали?" Он ответил: „Нет. Я ничего не сделаю против уважаемого Эмин бея!" Я был ошеломлен этим ответом. Нашел Юсуф Алия и потребовал свою подпись обратно. Между нами произошло резкое об'яснение. Я сказал ему, что: „Это бессовестно с твоей стороны. Было-ли там против Эмин-бея что нибудь?" На это он высказал оскорбительные выражения против тех, которые работают вместе с Эмин беем, и обещал написать, чтобы вычеркнули мою подпись. Этим своим действием он создал у меня боль в сердце. Ошибка моя большая. Очень прошу Вас простить меня.

Ваш: Саид Гафар-заде.

Тегеран, 28 мая 1935 г.

P. S. Под письмом, содержание которого мне не известно и которое я подписал обманным путем, моя подпись стоит так: С. Кафаров.

VII

Председателю Национального Центра Азербайджана Господину Мамед Эмину Расул-заде:

Настоящим свидетельствую, что подпись моя под бумагой, представленной мне господином Мовсум Салимовым дней 10 тому назад, взята была у меня без ознакомления с содержанием подписанной бумаги, которая, яко бы, „была уже подписана и другими". Впоследствии выяснилось, что содержание этой подписанной мною и другими бумаги не было известно, как мне, и другим подписавшимся, ибо почти все подписавшиеся, за исключением Юсуф Али, Мир Таги М. Бабаева и Мовсум Салимова, действительно не знали содержания подписанной бумаги и выше названными лицами были введены в заблуждение под разными предлогами. Считаю необходимым упомянуть, что никогда ни в какую политику не вмешиваюсь, но вместе с тем не могу поощрять и таких явно вредных национальным интересам моей родины выступлений, как дело поднятое г.г. Салимовыми, Бамматами и К-о с целью подорвать престиж истинных народных деятелей, какими несомненно являются М. Э. Расул-заде и др. кавкасские деятели, подписавшие Пакт Кавкасской Конфедерации.

Прошу принять мое заверение в почтении к Вам

Микаил Алескеров.

Тегеран, 28.V.35.

VIII

Господину председателю Национального Центра Азербайджана Расул-заде Мехмед Эмин-бею:

Под письмом, составленным Селимовым и его компанионом Юсуф Алием, среди других обманным способом собранных подписей, возможно, что будет и моя подпись. Во время собирания этих подписей Юсуф Али, как всем другим, и мне говорил, что: „протестуем против одного горца, работающего против М. Эмин-бея". Так-как занимаюсь торговлей, то до сего времени я активно не участвовал в политике. Но, как и все честные азербайджанцы, естественно и я стою за ту священную борьбу за независимость, которую возглавляете Вы. Я нисколько не сомневаюсь в том, что всякое выступление против Вас есть помощь врагу и является — прямо или косвенно — делом его рук.

Пользуясь этим случаем, приношу Вам свое глубокое уважение и от души желаю успеха настоящим кавказским националистам и самостийникам, идущим вместе с Вами.

Тегеран, 17.6.1935.

Мир-Ислам Ризаев.

(Эти 7 писем из Тегерана присланы нам для напечатания редакцией братского журнала „Куртулуш". В турецких оригиналах они были помещены в июльском номере указанного журнала).

IX

Милостивый государь Господин редактор!

Настоящим просим Вас не отказать в любезности напечатать в редактируемом Вами журнале „Северный Кавказ" нижеследующее:

По имеющимся у нас сведениям г. Салимов выдает себя за представителя Союза азербайджанских нефтепромышленников; настоящим сообщаем, что с 1932 года г. Салимов более не состоит членом Союза азербайджанских нефтепромышленников, а также по просьбе Союза заменен в Интернациональном нефтяном комитете новым нашим председателем, о чем союз был оповещен председателем Интернационального нефтяного комитета г. Г. А. Нобелем от 26 сентября 1932 года.

С совершенным почтением

Председатель Союза Азерб. Нефтепрошленников: Али Асадулаев.

Секретарь: А. Тагиев.

II.VII.35. Париж.

Küçük haberler — Хроника

Muhacirler arasında — Среди эмиграции

VARŞOVA ŞARK ENiSTUTU YANINDA ŞiMALÎ-KAFKASYA DiLLERi KOMiSYONUNUN TEŞKiLi

Bu yılın kışında Varşova Şark enistitu yanında hususî bir komisyon teşkil edilmiştir. Bu komisyon bir taraftan Şimalî Kafkasya dilleri için birleşik bir alfabe vücude getirmek, diger taraftan da tekmil şimalî-Kafkasya kabileleri için müşterek bir kabilelerarası dil yaratmak gibi mes'elelerle ugraşacaktır.

Komisyona şu adamlar dahil bulunmaktadır: senator St. Sedletski (Enistutu idare reisi) prof. dr. Olg. Gurka (Enistitunun umumî kâtibi), prof. dr. St. Ponyatovski, prof. dr. Zayonçkovski, prof. Mih. Domaşeviç, şimalî kafkasyalılardan da: Bahaeddin Hurş, Hüseyin Kumuz, Muhammed Çukua, Barasbi Baytugan, Canbek Havjoko, Balo Bilatti, Yusuf Umaş.

İhzarî bir kaç toplantıdan sonra Komisyon şımalî Kafkasyanın müstakbel birleşik alfabesi için esas olmak üzre, sovyet hükûmeti tarafından bir çok şarkî „muhtariyet" lerde o cümleden kısmen Şimalî Kafkasya'da tatbik ettirilen yeni türk alfabesini kabul etmiştir.

Kabileler arası diline gelince komisyon kumuk dilini intihab etmiştir. Şimalî Kafkasya kabile dillerinden bir çoğu için müşterek olan kelimelerin kumuk diline idhaline karar verilmiş ve şimdiye kadar yüzden fazla müşterek kelime tesbit edilmiştir.

İleride Şimalî Kafkasyanın müşterek devlet dili mes'elesini hall için komisyonun faaliyeti her halde degerli bir takım pratik materyaller verebilir.

КАВКАССКАЯ КОЛОНИЯ В ПОЛЬШЕ ВОЗЛАГАЕТ НА ХОЛМ МАРШАЛА ЮЗЕФА ПИЛСУДСКОГО В КРАКОВЕ ЗЕМЛЮ С КАВКАЗА

Еще при жизни Маршала Юзефа Пилсудского, благодарное польское общество решило почтить деяния своего Великого Вождя памятником, достойным Его величия. Во исполнение этого, с прошлого года в Кракове, колыбели польской культуры и легионов Маршала Пилсудского, созидается холм имени Маршала, который — подобно, как и холм другого национального героя Тадеуша Костюшко, — должен служить вечным символом благодарности народа.

Холм строится, буквально, силами всего народа. Со всех сторон Польши прибывают в Краков делегации и многочисленные экскурсии, везя в символических урнах землю с тех мест, которые теми или иными событиями являются памятными в истории Польши. Прибывают делегации даже из заморских стран, в которых живет свыше 5 миллионов поляков. Это всенародное паломничество особенно усилилось со дня кончины Маршала, когда прах Его почил в подземелиях древнего Вавельского замка. Сотни тысяч, миллионы поляков поклонились уже праху своего Вождя, приняв одновременно непосредственное участие в созидании холма Его имени.

В этом всенародном акте братского польского народа не могли не принять участие и кавкасские народы, для которых Маршал Пилсудский был не только живым символом победного шествия к идеалам национального освобождения, но и искренним другом, как никто, понимающим их стремления.

Поэтому-то, выполняя волю Совета Кавкасской Конфедерации, кавкасская эмигрантская колония в Польше решила посетить Краков, поклониться там праху Великого Маршала и принять участие в построении холма Его имени. Вместе с этим, она должна была возложить на холм землю с Кавказа, присланную С. К. К. и долженствующую символизировать солидарность кавкасских народов с народом польским в его печали и преклонении перед Духом Маршала.

16 июля с.г. представители кавкасской эмиграции в Варшаве на торжественном заседании вынесли следующее постановление:

На заседании 16 июля 1935 г. в Варшаве представители Кавкасской колонии в Польше (Азербайджан, Грузия, Северный Кавказ), согласно предписания Совета Кавкасской Конфедерации, постановили:

Выехать всей Колонией в Краков с целью поклониться Праху Маршала Юзефа Пилсудского — Вождя Польского Народа.

Принять участие в постройке холма на Совиньце.

Возложить на холм Маршала землю с Кавказа, присланную согласно указания Совета Кавкасской Конфедерации, в урне с следующей надписью:

„Родная земля от сынов борющегося за свою Свободу Кавказа (Азербайджан, Грузия, Северный Кавказ)—для величайшего Вождя и Возродителя Польши".

Протокол подписали: Али Азертекин, Конрад Имнадзе, Барасби Байтуган.

Во исполнение этого постановления, вечером 19 июля из Варшавы в Краков выехало свыше 50 чел. кавказцев (многие с семьями), взяв с собой свои национальные флаги. Утром 20 июля экскурсия прибыла в Краков, где на вокзале ее встретили представители города. Оставив национальные флаги с почетным караулом в т. н. „Барбакане", экскурсия посетила некоторые из местных достопримечательностей, которыми особенно богат древний Краков.

В 12 час. экскурсия прибыла в Вавельский замок для поклонения праху Маршала. У входа в костел при замке, в подземелиях которого покоится тело Маршала, экспедицию встретил г. Кюн, представитель Кракова, сказавший краткую речь о роли Маршала в истории Польши и поблагодаривший кавказцев за выраженные чувства.

В 3 час. специальными автобусами экскурсия выехала на Совинец (гора под Краковом, на вершине которой воздвигается холм Маршала), куда одновременно в сопровождении г. Кюна в городском автомобиле прибыли национальные флаги и почетный караул.

На Совиньце в торжественной обстановке был совершен акт воссыпания привезенной в урне земли, а затем все кавказцы, не исключая женщин и детей, приняли участие, наряду с тысячами иных паломников, в постройке холма.

Вечером экскурсия выехала обратно в Варшаву.

KAFKASYA HABERLERİ—ВЕСТИ С КАВКАЗА

DAĞISTANDA YENİ İDAMLAR

Dagıstan Sos. Sov. Cumhuriyeti yüksek mahkemesinin kararile Nisan ve Mayıs ayları zarfında Dagıstanda şu adamlar idam edilmişlerdir:

Abdül—Celil Kerimov (kendi evi önünde G.P.U. haydutları tarafından öldürülmüş) Mirzahan Amiraslanov, Kerim Amiraslanov, Nasrullah Mirzahanov (hepsi Kasumkent mıntakasının Bavşamay aulundandırlar), Mikâilov Goçay, Kemalettin Hamza İbrahimov, Abdullah İsakov ve Cemalettin İbrahimov.

Mahkeme tarafından verilen yukarıdaki idam kararları hep şüphe üzerine verilmiştir.

İdam mahkûmları muhtelif mesul komünistleri öldürmek cürmile itham edilmişlerdir.

Arpalı aulunda fırka azalarından Ömer Muhammedovu öldürmek cürmü ile itham edilen Payzettin Kurahmayev ve Akay Ziyattinov tevkif edilmişlerdir. Mevkufların idam edilecekleri kuvvetle muhtemeldir.

Bu natamam—çünkü sövyet hükûmeti idam cezalarının çoğunu gizli saklamaktadır—liste Şimalî Kafkasya'da kızıl terrorun yeniden şiddet bulduğunu göstermektedir. Ayni zamanda bu liste, halk kütlesinin müstevli rejimle eskisi gibi şiddetle mücadelede devam ettigine dahi şehadet etmektedir.

MUHTELİF HABERLER

— 1934—35 tedris yılında Dağıstanın ilk ve orta mekteblerinde 143 bin tehnikumlarda (sanat mektebleri) 4646 ve yüksek tipli mekteblerde (enistitu) de 1000 talebe okumuştur.

— Şamil Kala'daki tıb enistitu ilmî faaliyetini muhtevi ilk eserini neşre karar vermiştir. Bu ilk esere şimalî kafkasya kabilelerinin antropolojisine dair materyaller, Dagıstan kaplıcalarina aid tetkikler, trahom ve sıtma hastalıklarına dair ilmî tetkikler dahil bulunacaktır. Bundan başka enistitu yanında bir seririyat müzesi teşkiline ve mevcud teşrih müzesinin tevsiine dahi karar verilmiştir.

Temur—Han—Şuranın millî tiyatrosunda Şekspir ın maruf „Otello" su kumukca olarak büyük bir muvaffakıyetle oynanmıştır. Otello rolunu aktor Kurbanov, Dezdemona rolunu da aktris Ahmetova yapmışlardır.

— İki sene bundan evvel Kutayis (Garbi Adıge) mıntakasnda yapılan araştırmalar, neticede bu mıntakada petrol mevcudiyetini göstermiştir.

„Mayneft" tröstünün verdiği malûmata bakılırsa yeni keşf edilen petrol yüksek cinsli olub yüzde 42 benzin ihtiva etmekte ve bu suretle bütün dünyada en fazla benzin veren petrol cinsini teşkil etmektedir.

ДОГОВОР „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ" МЕЖДУ „ЗАКАВКАССКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ" И „СЕВЕРО-КАВКАССКИМ КРАЕМ"

„Заря Востока" от 9 июня т. г. сообщает о подписании „договора социалистического соревнования на лучшие показатели по росту поголовья и качественного улучшения животноводства", заключенного между „представителями краевых и республиканских советских, партийных организаций, земельных органов, передовых районов, племенных совхозов, колхозов, республик и областей Северо-Кавкасского края и республик Закавкасской Социалистической Федеративной Советской Республики".

Договор этот вызван, несомненно, катастрофическим состоянием животноводства в СССР, показатели которого со дня введения принудительной коллективизации все время идут на убыль.

В нем, между прочим, содержатся совершенно курьезные в советских условиях пожелания. Например:

...Поднять продуктивность скота и обеспечить сдачу государству высококачественной продукции:

а) повысить удойность коров в колхозных товарных фермах по Северо-Кавкасскому краю: на плоскости на 200 литров, в горах на 100 литров, по ЗСФСР в низменных районах на 70 литров, а в животноводческих районах на 90 литров по сравнению с фактическим удоем 1934 (все это должно быть достигнуто к...1 января 1936 г.)...

Или:

...Обеспечить всех чобанов, пастухов, конюхов и табунщиков ферм:

а) Шубой, буркой, шинелью или плащом, башлыком, а доярок — фартуками, халатами, организовав через торговую сеть снабжение чобанов предметами ширпотреба (сапоги, чабури, чареки, кружки, вилки, ножи и т. д.);

б) необходимыми медикаментами и перевязочными средствами, мылом и полотенцем...

Кроме общего договора, утвержденного ЦК ВКП(б) и СНК СССР 27 апреля 1935 г., подписывают самостоятельные договоры и представители отдельных областей и республик. Так например, в июне подписан договор между Сев. Осет. авт. обл. и Армянской ССР, а также между Чечено-Инг. и Южно-Осет. автономными областями.

Но несмотря на договор, советская печать продолжает бить тревогу по поводу массового уничтожения скота в нагорных районах Северного Кавказа, где от зимы т. г. советская власть обострила коллективизационный курс.

Mecmuanın müdürü: CANBEK HAVJOKO — Редактор журнала: ЖАНБЕК ХАВЖОКО

Müdürün adresi — Cz. Krzyża 9 m. 5, Warszawa, Pologne — Адрес редактора

Mecmua idareh. adresi — 110, rue Thiers, Boulogne s./Seine, France — Адрес адм. журнала

Zakł. Gr. P. Szwede Warecka 8